

18+

MAGNIFICENCE

Ревнители

Большая Элиминация

Дмитрий Бельский

Дмитрий Бельский

Ревнителі: Большая Элиминация

<https://litres.ru/74370084>

ISBN 9785007100090

Аннотация

Элиминация завершилась, но война только начинается. Салдэрс пережил поражение и готов привести в действие план, способный изменить весь мир. Пока Ревнителі пытаются оправиться от потерь и вновь собрать команду, из тени выходят Уравнителі — противники, созданные специально для того, чтобы уничтожить их.

Героям предстоит столкнуться не только с новой угрозой, но и с тайнами собственного прошлого, предательствами и последствиями решений, которые уже невозможно отменить.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Ревнителі: Большая Элімінація	5
Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	49
Глава 4	67
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ревнители: Большая Элиминация

Дмитрий Бельский

© Дмитрий Бельский, 2026

ISBN 978-5-0071-0009-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ревнителі: Большая Элиминация

Глава 1

Всё началось мгновенно.

Кристина проснулась так резко, будто её выдернули из глубины черной воды и бросили обратно в тело. Воздух ударил в легкие больно, жадно, почти с хрипом. Сердце колотилось так быстро, что казалось — оно не бьется, а пытается пробить ребра изнутри и сбежать первым, пока остальные органы ещё не поняли, в какую задницу попали.

Она лежала на холодном полу.

Не на кровати. Не на операционном столе. Не в больнице. Под щекой была каменная сырость, под пальцами — пыль, а вокруг стояла такая темнота, будто кто-то не просто выключил свет, а стер само понятие света из мира.

Кристина резко встала.

Голова тут же взорвалась болью. Не обычной, не после удара, не после бессонной ночи. Внутри черепа будто гудел огромный трансформатор, вибрация проходила через кости, зубы, глазницы, позвоночник. Ей показалось, что она слышит собственную кровь. Не метафорически. По-настоящему. Быстрый густой шум в венах, бешеные удары сердца, дыхание, которое шло слишком громко.

— О боже... где я? — выдохнула она, но голос прозвучал чужим. Слишком высоким, сорванным. — Что случилось?

Ответом стала тишина.

Такая плотная, что в ней можно было задохнуться.

Кристина медленно поднялась на ноги. Колени дрожали. Руки тоже. Она ненавидела эту дрожь почти сильнее, чем боль: тело вело себя как предатель, а она всегда плохо переносила предательство, особенно если предатель жил у неё под кожей.

Она сделала шаг вперед.

Потом ещё один.

Ладонь вытянулась в темноту и почти сразу ударилась о металл.

Кристина вздрогнула, нащупала прутья, провела пальцами вверх, вниз, в стороны. Холодные. Толстые. Настоящие.

Решетка.

Она была в клетке.

— Да вы издеваетесь... — тихо сказала Кристина. Потом голос сорвался громче: — Выпустите меня!

Она схватилась за прутья и дернула. Металл даже не скрипнул. Клетка стояла мёртво, будто её сварили специально для тех, кто привык ломать обычные двери плечом и хамством.

— Выпустите меня, мать вашу!

В следующий миг по ту сторону решетки раздался звук.

Сначала слабый.

Потом резкий.

Что-то двигалось в темноте.

Быстро.

Слишком быстро.

Шорох пронёсся слева направо, потом справа налево, потом где-то над головой. Не шаги. Не бег. Скорее свист скорости, будто невидимое существо носилось вокруг клетки, проверяя её со всех сторон. Кристина напряглась, машинально выставила руку, но наручей на ней не было. Пустое запястье ответило только холодом.

— Здесь кто-то есть? — спросила она.

Кристина медленно повернулась, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь.

— Ну давай. Вылезай. Я и так уже в клетке. Сюрпризом меня добить будет сложно.

Тишина продлилась ровно секунду.

Потом существо возникло прямо перед решеткой.

Молниеносно.

Без шага, без приближения, без предупреждения.

Кристина резко отшатнулась и ударилась спиной о задние прутья клетки.

Перед ней стояла фигура.

Женщина. Или девушка. Ростом примерно с неё. Лицо скрыто темнотой, контуры размытые, как у человека, которого мир не успел дорисовать до конца.

— Что же ты такое?.. — прошептала Кристина.

Фигура приблизилась к решетке. Голос прозвучал неожиданно мягко. Почти безобидно. И от этого стало только хуже.

— Спаси меня, Кристина.

Кристина замерла.

— Кто ты такая? Откуда ты знаешь мое имя?

— Только я смогу его остановить, — сказала незнакомка.

— Но тебе придется освободить меня.

— Остановить кого? И как, черт возьми, я должна тебя освободить, если сама сижу в клетке?

— Придет время, и он уничтожит вас всех. Всех до единого. Блэйсеры не должны править миром.

Кристина смотрела на неё, пытаясь собрать слова в хоть какую-то нормальную форму. Не получилось. Слова были как детали от разных механизмов: Блэйсеры, уничтожит, освободить, время. Ничего не складывалось.

— Я ничего не понимаю, — сказала она жестче. — Что вообще происходит?

Фигура потекла тенью и резко исчезла. Но тут же появилась другая фигура. Очертания стали четче. Плечи, руки, чёрный костюм, наручи, очки. Перед решеткой больше не стояла незнакомка.

Перед Кристиной стояла Проксима.

Она сама.

Кристина почувствовала, как по спине прошел холод.

— Кто ты? — спросила она. — Почему ты надела мой костюм?

Лже-Проксима чуть наклонила голову.

— Я — это ты.

— Херовый ответ.

Кристина медленно подошла к решетке. Ей не хотелось приближаться, но ещё сильнее ей не хотелось показывать страх. Она просунула руку между прутьями и коснулась лица двойника.

Кожа была ледяной.

Кристина осторожно сняла с неё очки.

И едва не отдернула руку.

— О боже...

У Проксимы не было нормальных глаз.

Там, где должны были быть зелёные радужки и живой взгляд, чернела пустота. Бездонная. Матовая. Такая глубокая, будто глаза не отражали темноту, а сами были её источником.

— Что ты такое? — голос Кристины стал тише. — Что с твоими глазами?

Двойник просунула руку через решетку и коснулась её лица.

Кристина хотела отстраниться, но не смогла. Пальцы были ледяные, и от этого касания боль в голове на секунду стала острее, словно кто-то воткнул иглу прямо в память.

— Запомни, Кристина, — сказала лже-Проксима. — Убей Аврору, когда у тебя будет возможность.

— Что?

— Убей её при первой возможности!

— Я не понимаю, о чем ты.

— Блэйсеры нам не враги. Не создавайте устройство для их отслеживания.

— Какое ещё устройство?

— Аврора. Аниоя Крэдчет. Блэйген. Экс-Квай. Кома. Арья. Мальбурд. Запомни эти имена.

Каждое имя ударило по темноте, как капля крови по белому кафелю. Кристина слушала и не понимала, почему внутри становится всё холоднее.

— Они принесут слишком много проблем, — продолжила лже-Проксима. — Из-за них погибнут сотни. Тысячи людей.

— Да кто они такие?!

Двойник вдруг схватила её за запястье. Сильно. Почти болезненно.

— Убей Аврору, Кристина. Убей Аврору, когда у тебя будет возможность. Поклянись.

— Да отпусти ты...

— Поклянись!

— Хорошо! — выкрикнула Кристина. — Хорошо, я клянусь! Только отстань от меня и объясни, что это за бред!

Лже-Проксима замерла.

Где-то далеко раздался низкий треск. Как будто огромная дверь открывалась в темноте.

— Времени мало, — сказала она. — Кассандра вытаскивает меня.

Кристина застыла.

— Прости, что?

Но двойник уже исчезала.

Не уходила. Не растворялась красиво. Её будто рвали из этого места невидимые руки. Контуры дернулись, лицо смазлось, черные глаза на миг стали ещё темнее.

— Стой! — Кристина ударила по решетке. — Ты не ответила!

Лже-Проксима исчезла.

И мир оборвался.

Кристина проснулась с криком.

Она дернулась, но тело не послушалось. Что-то с металлическим лязгом удержало её руки, ноги, шею, грудь. Кожа под кандалами горела от давления. В нос ударил запах лекарств, спирта, пластика и стерильного воздуха.

Над ней был потолок.

Белый.

Слишком яркий.

Свет резал глаза так, будто после темноты кто-то специально включил лампы на максимум и сказал: «Добро пожаловать обратно, страдай красиво».

— Ох... проклятье... — Кристина попыталась поднять голову и тут же зашипела от боли. — Так это был сон?

Она огляделась.

Койка. Медицинское оборудование. Кардиомониторы. Датчики на груди. Кандалы на запястьях, лодыжках и шее.

Несколько креплений удерживали корпус так, будто она была не пациенткой, а очень ценной бешеной собакой, которую решили не будить палкой, но палку всё равно держали рядом.

У стены стоял манекен с костюмом Проксимы.

На столе рядом лежали её наручи и очки.

— А-а-а... господи, как же голова болит... — простонала Кристина. — Где я? Что со мной происходит?

— У меня те же вопросы, — раздался голос справа.

Кристина резко повернула голову.

На соседней койке лежал Илья Кравцев. Тот самый парень из капсулы. Тот самый, которого Вайлет нашла в лаборатории Салдэрса живым там, где должен был лежать труп. Он был прикован почти так же, как она: руки, ноги, грудь, шея. Только выглядел не злым, а усталым до состояния человека, который уже мысленно пожаловался во все инстанции ада и получил ответ «ожидайте».

— А ты ещё кто? — спросила Кристина.

Илья повернул к ней голову.

— Меня зовут Илья. А ты, видимо, Проксима.

— Ну прекрасно, — выдохнула она. — Теперь ещё один знает. Скоро тайну моей личности будут выдавать вместе с чеком в магазине.

— Если тебе станет легче, я не собирался никому рассказывать.

На стене перед ними ожил большой экран.

Картинка дернулась, появилась заставка новостей. Голос диктора был траурным, тяжелым и до омерзения официальным.

«Весь мир скорбит вместе с Германией. Это самый крупный теракт в истории человечества. По предварительным данным, в результате удара семьдесят три процента Берлина оказалось под развалинами. Число жертв идет на сотни тысяч и приближается к миллиону. За одно мгновение уровень жизни Германии рухнул до показателей развивающейся страны. Курс доллара и евро продолжает стремительно терять позиции, международные банки и фондовые биржи фиксируют катастрофические убытки. Более пятидесяти стран уже направили спасательные отряды, врачей и гуманитарные конвои. Мир объединился для восстановления Берлина, однако общий материальный ущерб до сих пор невозможно оценить. Одни специалисты говорят о двух, другие — о пяти триллионах долларов...»

Кристина перестала дышать.

На экране показывали Берлин.

То, что от него осталось.

Руины тянулись до горизонта. Черные провалы улиц. Сломанные мосты. Кварталы, превращенные в пыль. Горящие пятна среди серого моря бетона. Люди, похожие на крошечные точки, ползали между обломками, вытаскивая тех, кто ещё мог кричать.

«Не успел мир обвинить Россию в содеянном, как россий-

ское правительство заявило: за атакой стоит террористическая организация под руководством Слэйда Салдэrsa, объявленного в международный розыск ещё несколько недель назад...»

Кристина зажмурилась, но картинка не исчезла.

Берлин всё равно стоял перед глазами.

Синистра. Фальшивая флешка. Таймер. Её собственные пальцы. Её уверенность, что она успела.

«А теперь о других новостях. За последние месяцы в результате нехватки медицинских препаратов в столице погибло восемь человек...»

— Выключите, — прошептала Кристина.

Экран продолжал говорить.

— Выключите, мать вашу!

Картинка погасла.

Кристина дернулась в кандалах так сильно, что металл лязгнул.

— Проклятье... Берлин... я не успела. — Её голос стал страшно тихим. — Я не успела. Синистра меня одурачила. Эта сука меня одурачила...

Она снова рванулась.

Кандалы удержали.

— Освободите меня! Немедленно! Пока у меня тут не случился нервный срыв!

Илья осторожно посмотрел на неё.

— По-моему, он уже в дверях. Стоит с букетом и спраши-

вает, куда поставить чемодан.

— Заткнись!

— Принято.

Из динамиков под потолком раздался женский голос.

— Боюсь, пока это невозможно.

Кристина резко подняла голову.

— Кройск?

— Да, Кристина.

— Ну конечно. А почему через микрофон? Боишься подойти ближе, Александра?

— Я понимаю твою злость.

— Нет, не понимаешь. Иначе ты бы уже открывала эти кандалы, а не вещала с потолка, как богиня бюрократического пиздеца.

На несколько секунд повисла пауза.

Голос Кройск остался ровным.

— Успокойся и скажи, что ты помнишь последним.

Кристина зажмурилась.

Память была не прямой линией, а кучей битого стекла. Попробуешь взять один осколок — режет пальцы.

— Синистра, — выдавила она. — Я помню Синистру. Мы дрались. Потом... кажется, я потеряла сознание.

Она замолчала.

Грудь резко сдавило.

— Нет. Нет, подожди. Ничего я не теряла. Она воткнула в меня мой же клинок. Один раз. Второй. Третий...

Голос сорвался.

Перед глазами снова вспыхнуло лицо Анжелы. Яростное. Сосредоточенное. Без жалости.

— Я сбилась со счета. Как я могла выжить после этого?

— Ты не выжила, Кристина.

В комнате стало тихо.

Даже кардиомонитор будто на секунду стал громче.

— Что?

— Ты была мертва. Синистра тебя убила. Доктор Шитин вернул тебя.

Кристина смотрела в потолок, не моргая.

Информация не помещалась в голову. Слова были понятные, но смысл отказывался становиться реальностью.

— Синистра... убила меня?

— Да.

Илья повернул голову к ней.

— Неловкое утро, да?

Кристина вдруг рассмеялась.

Коротко.

Нервно.

Почти страшно.

— Меня убили. Потом воскресили. Берлин стерли с лица земли. Я прикована к койке в каком-то медицинском подвале ДАГЭТа. И рядом лежит парень, который, кажется, тоже технически спорит с понятием «смерть».

— То, что ты воскресла, — сказала Кройск, — почему-то

шокирует тебя меньше, чем смерть.

— Потому что умереть звучит окончательно, Кройск! А воскреснуть — это уже проблема обслуживания.

Она резко вскрикнула.

Боль в голове накатила новой волной, и вместе с ней пришло нечто ещё.

Сердце.

Она слышала сердце.

Каждый удар. Глухой, сильный, влажный. Слишком громкий. Слишком близкий. Сердце било не просто в груди, а во всем теле: в висках, в пальцах, в животе, в зубах. Она чувствовала, как кровь идет по сосудам. Как мышцы сокращаются под ремнями. Как кожа нагревается там, где металл давит сильнее.

— А-а-а... — Кристина стиснула зубы. — У меня голова раскалывается. Сердце стучит как... как не знаю что. Как бешеный дятел под энергетиком. Господи... я чувствую, как оно бьется. Я слышу его. Я никогда такого не чувствовала.

— Это побочные эффекты.

— Чего?

— Двадцать четвертой пары хромосом. Сыворотка прижилась в твоём организме.

Кристина медленно повернула голову к динамику.

— Хромосомы?

— Да.

— Хотите сказать, меня спасло то, что сотворил этот чер-

тов Салдэрс?

— Именно. Другого выхода не было. Ты уже была мертва. Кристина закрыла глаза.

— Просто великолепно. Я воскресла благодаря фашистскому коктейлю от богатого психопата с комплексом бога. Где расписаться в книге отзывов?

— Кристина...

— Чем всё закончилось? Элиминация. Слэйм-Сити. Остальные. Ревнителы. Надеюсь, из наших больше никто не пострадал?

Кройск ответила уже тише:

— Ревнителы живы. Вайлет, Арлетт и Спайк в порядке. Синистра и Вепрь мертвы. Эрнестро и Салдэрс сбежали. Судьба Георгины неизвестна. Возможно, она погибла под развалинами. Возможно, ушла вместе с ними. Слэйм-Сити разрушен. Мы остановили четыре боеголовки из пяти.

Кристина медленно вдохнула.

— Ты ведь не собираешься называть это победой?

— Я называю это предотвращением ещё большей катастрофы.

Пауза стала тяжелой.

Кристина дернула рукой.

Кандалы лязгнули.

— А теперь освободи меня.

— Мы не можем.

— Это что, шутка такая?

— У тебя наблюдаются серьезные изменения. Усиленный метаболизм, повышенная чувствительность, нестабильные показатели, непредсказуемая реакция тканей. Пока наши ученые полностью тебя не обследуют, мы не можем тебя отпустить.

— Ваши ученые? — Кристина усмехнулась. — Звучит так, будто я уже лежу на столе под табличкой «не кантовать, может кусаться».

— Ты опасна.

— Я всегда была опасна. Разница в том, что раньше вы делали вид, будто это удобно.

В разговор вмешался другой голос.

Знакомый.

— Кристина, послушай меня.

Она замерла.

— Параноик?

— Да.

— О, отлично. Полный набор. Кройск с потолка, Параноик из стены. Где третий голос? Может, сейчас ещё кто-то из Ревнителёв скажет, что я нестабильная?

— В данный момент ты действительно нестабильна.

— Ты реально Параноик, если думаешь, что меня могут сдержать эти кандалы.

— Я прошу тебя не совершать ошибок.

— Ошибкой было приковать меня к койке.

— Ошибкой было бы отпустить тебя в таком состоянии.

Кристина задышала тяжелее.

— Я не позволю вам ставить на мне опыты. Я не подопытный кролик.

— Никто не собирается ставить на тебе опыты.

— Тогда почему я закована как ебанный динозавр перед транспортировкой?

Илья осторожно поднял руку настолько, насколько позволяли крепления.

— Технически я тоже закован. Просто для статистики.

— Илья, не помогай им.

— Да я вообще никому не помогаю. Я лежу и пытаюсь понять, почему моя жизнь стала похожа на хоррор с плохим бюджетом.

Параноик заговорил мягче:

— Кристина, прошу. Нам не нужны проблемы.

Она чуть улыбнулась.

— В этом вся я, Сергей.

В этот момент Илья дернулся.

Сначала слабо.

Потом сильнее.

Металлические крепления зазвенели, койка под ним дернулась, кардиомонитор резко запищал.

— Илья? — Кристина повернула голову. — С тобой всё хорошо?

— Нет, — прохрипел он. — Я... я чувствую... приток сил. Его лицо исказилось.

— А-а-а! Господи, как же больно!

— Врача! — выкрикнула Кристина. — Ему срочно нужен врач!

Но врачи не успели.

Тело Ильи начало меняться.

Сначала кожа на руках потемнела, будто под ней разливался жидкий металл. Потом по плечам прошла волна холодного блеска. Сухой треск раздался в суставах, мышцы начали увеличиваться, ремни впились в тело, кандалы заскрежетали, натягиваясь до предела.

— Илья... — Кристина резко повернула голову. — Эй, держись!

Но он уже не мог ответить.

Стальной слой расползлся по нему быстро, жадно, покрывая грудь, шею, лицо. Волосы исчезли под гладкой металлической поверхностью. Рот словно сплавился, оставив только тонкую неподвижную линию. Остались лишь нос и глаза. Испуганные, живые, человеческие.

Койка под ним жалобно скрипнула.

Потом скрип перешел в металлический визг.

— Ого, — выдохнула Кристина. — Я что, всё ещё сплю?

В следующую секунду крепления на его руках лопнули сами. Один кусок кандалов отлетел в сторону и с грохотом ударился о шкаф. Ремни на груди треснули, будто их перерезали изнутри, ножные фиксаторы сорвало вместе с крепежами. Койка не выдержала веса и с жутким хрустом провалилась

под ним.

Металлические ножки разъехались в стороны, каркас согнулся, матрас съехал на пол, а Илья рухнул вниз вместе с остатками медицинской конструкции. Аппараты вокруг дернулись, один монитор жалобно пискнул и погас, словно тоже решил не участвовать в этом цирке.

Через несколько секунд на обломках койки сидел уже не Илья.

А огромная двухметровая стальная фигура.

Живая статуя, слишком тяжелая для медицинской мебели и слишком растерянная для монстра.

Илья осторожно поднялся. Пол под ним глухо дрогнул. Несколько обломков койки с металлическим звоном отвалились от его тела и упали рядом.

— Ну да, — пробормотала Кристина. — Отлично. Проснулся, превратился в памятник и сразу убил кровать. Очень уверенный дебют.

На вешалке рядом висело коричневое пальто.

Почему в стерильном медицинском помещении рядом с живой стальной машиной висело коричневое пальто — вопрос был хороший. Видимо, у ДАГЭТа даже абсурд проходил по внутреннему протоколу.

Илья взял пальто и накинул на себя.

Кристина несколько секунд смотрела на него.

— Стильно. Теперь ты похож на памятник, который ушел с похорон самого себя.

Илья подошёл к её койке и пальцами разорвал кандалы.

Металл рвался с мерзким скрежетом. На коже Кристины остались красные следы, кое-где выступила кровь.

Она села, поморщилась и потерла шею.

— Спасибо, Илья. Надеюсь, это всё ещё ты. Даже в таком состоянии. Можешь говорить?

Илья отрицательно качнул головой.

— Точно. Рот склеился. Очень удобная способность. Судьба решила, что тут и без тебя есть кому пиздеть.

По помещению ударила сирена.

Красные лампы вспыхнули под потолком. Динамики ожили голосом Кройск:

— Внимание всему персоналу. Угроза в медицинском секторе. Объект Кравцев перешел в активную фазу. Объект Канина освобождён. Не применять смертельную силу.

— Объект Канина? — Кристина встала на ноги. Мир слегка качнулся, но она удержалась. — Очень мило. Может, мне ещё инвентарный номер на задницу наклеите?

— Кристина, Илья, прошу вас, успокойтесь, — сказала Кройск. — Мы всё обсудим.

— Поздно. Нам пора отсюда выбираться.

Кристина подошла к столу, взяла очки, наручи и быстро надела экипировку. Пальцы двигались почти сами. Знакомый вес наручей на предплечьях успокоил лучше любых лекарств. Когда клинки были рядом, мир всё ещё оставался дерьмом, но хотя бы дерьмом, которое можно резать.

Потом она подошла к манекену и сняла костюм.

— Отвернись, Илья.

Стальная голова послушно повернулась в сторону.

— Хороший мальчик. Или хороший терминатор. Пока не решила.

Она быстро переоделась, закрепила ремни, проверила застежки, надела очки. Костюм сел на тело привычно, но теперь ощущался иначе. Ткань касалась кожи слишком ясно. Каждая складка, каждое крепление, каждый шов будто стали громче.

Кристина стиснула зубы.

— Ох... так-то лучше.

Илья подошел к массивному шкафу, поднял его так легко, словно тот был картонной коробкой, и с размаху бросил в стену.

Удар прогремел по всему сектору.

Стена пошла трещинами. Куски бетона посыпались на пол, подняв облако пыли. После второго удара образовался пролом.

Кристина посмотрела на проход.

— Правильно. Зачем ходить через дверь, если можно просто снести стену. Двери придумали люди без фантазии.

Они выбрались в коридор.

Сирена выла. Красный свет прыгал по стенам. Где-то хлопали двери, раздавались голоса, бегущие шаги, приказы по рации. ДАГЭТовский медицинский сектор мгновенно пре-

вратился из стерильной лаборатории в муравейник.

Навстречу им выбежали несколько вооруженных охранников.

Они встали цепью, подняв оружие.

— Стоять! — выкрикнул один. — Мы вам не враги!

Кристина посмотрела на стволы.

— Тогда какого хрена вы держите их прямо на нас?

— Нам приказано вас задержать.

— А мне приказало тело не лежать больше в кандалах. У нас конфликт интересов.

— Проксима, не заставляйте нас применять силу!

Она усмехнулась.

— Милый, если бы вы хотели применить силу, надо было начинать до того, как рядом со мной появился двухметровый кусок железа.

Илья повернул к ней голову.

— Без обид, — сказала она. — Ты красивый кусок.

Охранники не успели среагировать.

Проксима сорвалась вперед.

Движение получилось слишком быстрым даже для нее. Мир на секунду растянулся. Она видела, как расширяются глаза первого бойца, как палец второго дергается у спускового крючка, как третий делает вдох перед приказом. Всё стало медленнее. Или она стала быстрее.

Первому она ударила ладонью в лицо. Нос хрустнул, кровь брызнула на воротник, мужчина рухнул, даже не успев

вскрикнуть.

Второго Проксима подсекла, поймала за бронежилет и впечатала затылком в стену — без смертельной силы, но с достаточным уважением к бессознательному состоянию.

Третий попытался ударить прикладом. Она ушла под движение, врезала локтем в солнечное сплетение, затем коленом в подбородок. Зубы щелкнули так громко, что у кого-то из охранников точно появится новый стоматологический квест.

Четвертого Илья просто взял за бронежилет и аккуратно, почти вежливо, запечатал лицом в стену.

Стена треснула.

Охранник сполз вниз.

— Ну вот и всё, — сказала Проксима, переводя дыхание.

— Никто не умер. Почти семейный праздник.

Она коснулась гарнитуры.

— Ревнителю. Кто-нибудь меня слышит? Вика? Настя? Денис?

Сначала был треск.

Потом знакомый голос.

— Кристина? — Анастасия звучала так, будто одновременно услышала призрака и получила удар током. — Это ты?

— Да, я. Очнулась. Не время для слёз, цветов и тупых вопросов.

— Ты жива...

— Как ни странно, да. Мне нужен транспорт у здания ДАГЭТа. Срочно.

— Я как раз еду туда. Хотела тебя проведать.

— Отлично. Жди нас на улице.

— Кого «нас»? Что происходит?

Кристина посмотрела на Илью.

— Потом, Настя. Всё потом.

Голос Кройск снова ударил из динамиков:

— Кристина, ты переступаешь черту.

— О, началось.

— Узнаю в тебе Мелиссу.

Кристина остановилась.

На секунду лицо под очками стало неподвижным.

— Не смей.

— Она тоже действовала импульсивно, когда считала, что её загнали.

— Ты первая переступила черту, когда приковала меня к койке и назвала объектом. Прикажи своим людям не следовать за нами. Мы выйдем отсюда, и никто больше не пострадает.

— Ты сама не ведаешь, что творишь. ДАГЭТ — твоя семья.

Кристина медленно подняла голову к камере под потолком.

— Нет, Кройск. Ревнителю — вот моя семья.

Она двинулась дальше.

Через несколько коридоров они добрались до выхода. Двери аварийного шлюза открылись перед ними с против-

ным механическим стоном. В лицо ударил ночной воздух. Холодный, влажный, живой.

Кристина на секунду остановилась.

Небо было черным. Где-то далеко горели огни Москвы. После белого света лаборатории ночь показалась почти родной.

У дороги уже стояла машина.

За рулем сидела Анастасия.

Едва увидев Кристину, она выскочила наружу и бросилась к ней. Не как Арлетт. Не как трагическая мстительница с крыльями. Как подруга.

Настя крепко обняла её.

Кристина сначала напряглась, потом обняла в ответ.

— Ты даже не представляешь, как я рада тебя видеть, — сказала Настя. Голос у неё дрогнул. — Мы думали, что потеряли тебя.

— Я тоже рада вновь прикоснуться к тебе, подруга, — тихо ответила Кристина. — Прости, что заставила вас переживать.

— Ничего страшного. Главное, что ты жива.

— Жива, да. Здорова — вопрос спорный. Воскресла на синей жиже Салдэrsa, слышу свое сердце как дебильный барабанный кружок и только что сбежала из ДАГЭТа. В целом ночка продуктивная.

Настя заметила Илью. Точнее, двухметровую стальную фигуру в коричневом пальто.

Она медленно моргнула.

— Ох... боже мой.

Илья стоял неподвижно.

— Я не буду спрашивать, что ты такое. Потом объясните.

Мой мозг сегодня без записи не принимает новых клиентов.

— Мудро, — сказала Кристина. — Нам надо домой.

Настя села за руль.

Кристина открыла заднюю дверь и тут же поняла проблему.

Илья смотрел на машину.

Машина, казалось, смотрела на Илью в ответ и мысленно писала завещание.

— Так, Илья, — сказала Кристина. — А как же ты? Ты не поместишься.

Илья посмотрел на свои металлические руки.

Потом закрыл глаза.

По его телу прошла обратная волна. Стальной блеск начал сходить с кожи, мышцы уменьшались, черты лица возвращались, волосы проявились темными пятнами, рот снова разделился. Через несколько секунд перед ними стоял обычный Илья. Бледный, в чужом коричневом пальто и с выражением человека, которому хотелось лечь прямо на асфальт и попросить мир закончить смену.

— Ох... — выдохнул он. — Ощущение, будто все мышцы скрипят сталью.

Кристина открыла дверь шире.

— Садись в машину. И не вздумай снова превращаться в грудку металла, пока мы внутри. Я не хочу объяснять страховой, что пассажир случайно стал огромным сейфом.

Илья сел.

Кристина устроилась рядом.

Настя завела двигатель.

Машина тронулась с места и растворилась в ночи, оставляя позади здание ДАГЭТа, сирены, красные огни и тех, кто всё ещё думал, что сможет удержать Проксиму.

Глава 2

В машине стояла странная тишина.

Не спокойная, но не неловкая.

Анастасия крепко держала руль и старалась смотреть на дорогу. Получалось плохо. В зеркале заднего вида она каждые несколько секунд ловила отражение Кристины и Ильи, и с каждым взглядом вопросов в её голове становилось больше. Они плодились там, как тараканы после ядерной зимы.

Проксима сидела без привычного контроля. Она постоянно поворачивала голову то к окну, то к приборной панели, то к темной улице за стеклом. Слишком резко. Слишком быстро. Будто каждый звук, каждый отблеск фар, каждый шорох шин по асфальту бил ей прямо в нервную систему.

Правая рука у неё дрожала.

Не мелко, не от страха и не от холода. Пальцы вибрировали так быстро, что на мгновение казались смазанными, будто камера не успевала за движением.

Настя заметила это и побледнела.

— Кристина... что с тобой?

Проксима резко посмотрела на неё.

— В смысле?

— В смысле, у тебя рука дрожит со скоростью света. Я, конечно, видела в жизни всякое дерьмо, но чтобы человек сам себе изображал неисправный массажер — такое впервые.

Кристина опустила взгляд на руку.

И будто только сейчас увидела.

Она быстро схватила запястье второй рукой, пытаясь остановить дрожь. Получилось не сразу. Пальцы дергались под ладонью, как живые, чужие, злые.

— Боже... — выдохнула она. — Я не знаю, что со мной творится. Я чувствую, как кровь течет по венам. Прямо чувствую, Настя. Слышу, как сердце бьется.

Илья осторожно посмотрел на неё.

— У меня рот недавно сплавился. Не хочу обесценивать твои проблемы, но у нас тут явно вечер редких медицинских отзывов.

Настя шумно выдохнула.

— Так, может, вы уже расскажете, что произошло? Потому что я забрала из ДАГЭТа Проксиму, парня в грязном пальто и ощущение, что меня сейчас объявят соучастницей чего-то очень дорогого.

Кристина потеряла виски.

— Я очнулась. Увидела, что меня приковали к койке, в тело воткнули кучу шприцов, вокруг аппараты, датчики, какой-то медицинский кошмар. Сначала почти слетела с катушек. Потом увидела Илью. Его держали в такой же обстановке.

Она вдруг повернулась к нему и моргнула.

— Кстати. Я же вас не познакомила.

— Да мы уже знакомы. Очередная жертва Салдэрса.

— Жертва Салдэrsa? — переспросила Проксима.

Илья замолчал.

Кристина смотрела выразительно. Очень выразительно. Так, что даже без слов становилось понятно: она требует продолжения, объяснения и, желательно, в ближайшие три секунды, пока не начала доставать правду клинками.

— Так ты один из его подопытных? — спросила она. — На тебе тоже испытывали двадцать четвертую пару хромосом?

Илья кивнул.

— Да. Всё так и было.

Настя вмешалась:

— Вайлет нашла его в лаборатории, когда Шитин вводил тебе сыворотку. Он был в капсуле. Все думали, что он мёртв, но оказалось... не совсем.

Проксима снова посмотрела на Илью.

— Значит, вот откуда твоя способность превращаться в сталь.

— Похоже на то.

— Завидная штука.

— Твоя способность, по-моему, намного завиднее, — сказал Илья.

Кристина нахмурилась.

— Способность? Какая ещё способность? Дрожать с нечеловеческой скоростью и слышать собственные сосуды?

Илья покачал головой.

— Ты что, правда не заметила?

— Не заметила чего?

— Как ты расправилась с охраной, когда мы выходили.

Настя резко повернула голову назад, и машина слегка дернулась в сторону.

— Ты расправилась с охраной ДАГЭТ?!

— На дорогу смотри! — одновременно сказали Кристина и Илья.

Настя вернула машину в полосу.

— Кристина, ты с ума сошла?

— Успокойся. Я всего лишь их побила.

— Всего лишь побила?

— Без крови и оружия.

Илья медленно поднял брови.

— «Без крови» — спорно.

— Не драматизируй. Ты и сам приложил усилия.

Кристина откинулась на сиденье.

— Они наставили на нас стволы и не дали бы сбежать.

Илья повернулся к ней всем корпусом.

— Проксима... ты правда этого не заметила?

— Чего?

— Ты их уложила за долю секунды. Я только успел схватить последнего солдата, как ты уложила троих.

Кристина замолчала.

Она попыталась вспомнить.

Коридор. Сирены. Красный свет. Охрана. Стволы. Первый удар. Второй. Третий. В её памяти всё было быстрым,

но не странным. Она просто двигалась. Так, как должна была двигаться.

Но теперь, когда Илья сказал это вслух, картинка начала меняться.

Она вспомнила лица охранников.

Их замедленные вдохи.

Пальцы у спусковых крючков.

Каплю пота на виске одного из них.

То, как легко она видела каждое движение.

Кристина медленно посмотрела на свою руку.

Дрожь стала слабее, но не исчезла.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она уже тише.

Илья кивнул в сторону потолка машины, будто там была Кройск.

— Та женщина... как ты её называла? Кройск? Она сказала, что у тебя усиленный обмен веществ. Думаю, двадцать четвертая пара хромосом дала тебе сверхскорость. Поэтому рука и дрожит. Тело ещё не понимает, как жить с новой способностью.

Настя на секунду даже забыла моргать.

— С ума сойти...

Кристина посмотрела на неё.

— Не начинай.

— Нет, ну серьезно. Кристина, ты теперь не просто Проксима. Ты супергероиня с нечеловеческой скоростью.

— Я как раз переживала, что после смерти, воскрешения

и сотен тысяч погибших, мне не хватает повода для экзистенциального кризиса.

Кристина закрыла глаза.

Сердце всё ещё стучало слишком громко. Но теперь она пыталась слушать не паникой, а вниманием. Удары. Пульс. Дыхание. Мотор машины. Шины. Настины пальцы на руле. Илья рядом сглотнул. Где-то под капотом что-то тихо щелкнуло.

Слишком много звуков.

Слишком много жизни.

— Удивительно, — наконец сказала она. — Мне... мне надо подумать.

Илья хмыкнул.

— Только не думай слишком быстро. Вдруг мозг тоже разгонится и улетит.

Кристина открыла глаза.

— А что ты сразу не сказал?

— Если ты не заметила, напомним: я тогда был в этой чертовой стальной броне. С ротом, который решил уйти в отпуск. Комментировать было сложно.

— Да уж. То ещё зрелище.

— Зато я хотя бы выглядел солидно.

— Ты выглядел как памятник, который украл пальто у депрессивного учителя географии.

Несколько секунд в машине было почти спокойно.

Почти.

Кристина всё ещё ощущала кровь, сердце, кожу, но паника постепенно отступала. На её место приходило другое — холодное, тяжелое понимание: она изменилась. Не морально, не символически, не «после пережитого я стала другой». Её организм действительно стал другим. Сыворотка Салдэрс жила в ней, работала, перестраивала, дышала вместе с ней.

Эта мысль была мерзкой.

И одновременно спасительной.

Настя взглянула в зеркало.

— Ну что, Илья... вступишь в наши ряды Ревнителей?

Илья моргнул.

— Ревнителей?

— Так мы называем свою супергеройскую команду.

— Серьезно?

— А что не так?

— Ничего. Просто звучит так, будто вы либо спасаете мир, либо очень агрессивно ходите на собрания жильцов.

Кристина тихо усмехнулась.

— Не спорь. Название утверждено Вайлет. А когда Вайлет что-то утверждает, проще смириться, чем слушать презентацию.

Илья посмотрел на Настю.

— Извини, так ты тоже одна из них?

Настя на секунду задумалась, потом вздохнула.

— Ах да. Без маски, видимо, не догадался. Я Арлетт.

Илья медленно повернулся к ней.

— Арлетт? Я думал, ты на стороне плохих парней. После случая с мэром.

В машине стало чуть тише.

Настя сжала руль сильнее.

— Долгая история.

Кристина посмотрела на Илью.

— Теперь она на нашей стороне.

— Тогда вопросов больше не задаю.

Кристина сменила тему:

— Интересно получается. Теперь у нас в команде два сверхчеловека.

Илья посмотрел на неё.

— Я ещё не говорил, что вступаю.

— Но ты уже сбежал с нами из ДАГЭТа, сидишь в моей машине, носишь чужое пальто и знаешь мои тайны. Поздравляю, Илья, ты примерно на девяносто процентов в команде. Осталось только пережить Вику.

— Это угроза?

— Это предупреждение.

Настя оживилась:

— Кстати, придумал уже себе кличку?

Илья задумался.

По его лицу сразу стало видно: креативность подошла к двери, посмотрела на ситуацию внутри и решила не входить.

— Пока нет.

— Ну попробуй, — сказала Настя. — Желательно не что-

то ужасное.

— Может... Стальной человек?

Настя и Кристина одновременно повернулись к нему.

Даже машина будто ехать стала тише, чтобы не мешать этому позору.

— Что? — спросил Илья.

Кристина медленно вдохнула.

— Илья.

— Да?

— С такой креативностью тебе будет тяжело найти общий язык с нами.

— Ну... я же превращаюсь в сталь.

— И поэтому решил назвать себя «Стальной человек»?

— Логично же.

Настя покачала головой.

— Логично — не значит хорошо.

Кристина добавила:

— Это звучит так, будто ребенок придумал героя для школьной стенгазеты и устал на втором слове.

— Ладно, я подумаю.

— Очень прошу. Включи оригинальность, пока Вика не услышала. Она тебя уничтожит.

Илья осторожно кивнул.

— Принял.

Настя замедлила машину у поворота.

— Мы уже почти дома.

— Отлично. Я очень хочу лечь, умереть второй раз и, возможно, на этот раз без медицинского персонала.

— Кстати, внутри тебя ждет огромный сюрприз.

Кристина чуть оживилась.

— Наверняка там остальные. Вайлет, Спайк, Спирит. Надули шары, испекли торт... хотя кого я, блядь, обманываю, они купили торт.

Машина заехала в подземный гараж дома. Двери закрылись за ними с глухим механическим звуком, отрезая улицу, ночь и возможных наблюдателей. Через чёрный вход они вошли в кухню.

Илья огляделся с видом человека, которому впервые показали, что у кого-то дом может быть размером с небольшой санаторий.

— Извините, а нельзя было через главный вход?

Кристина посмотрела на него поверх очков.

— Я в костюме. Вдруг кто-нибудь увидит.

— Точно. Не подумал.

— Ничего. У нас тут всё через задний проход. В плане безопасности, конечно.

Настя прыснула.

— Кристина.

— Что? Даже пошутить нельзя?

Они прошли через кухню в большую гостиную.

Илья остановился на пороге.

Высокие потолки, широкая лестница, мягкий свет, доро-

гая мебель, огромные окна, ощущение дома, который слишком красив для людей с таким количеством секретов.

— Так это ваша штаб-квартира? — спросил он.

— Штаб-квартира в подвале, — ответила Кристина. — А это просто большой дом с кучей комнат, травм и людей, которые не умеют нормально жить.

— Уютно.

— Подожди, пока познакомишься с Окси.

— С кем?

— Потом.

Сверху раздались быстрые шаги.

Кристина подняла голову.

По лестнице почти сбежала Вика.

Она замерла на середине ступеней.

Несколько секунд просто смотрела.

Будто боялась моргнуть и снова увидеть не Кристину, а пустоту, кровь, закрытые глаза и тело, которое лежало у неё на руках в Слэйм-Сити.

— Кристина... — голос сорвался. — Боже. Это правда ты?

Кристина сняла очки.

— Посмотри в мои глаза, Вика. Это действительно я.

Вика сорвалась с места.

Она подбежала и обняла Кристину так крепко, будто собиралась удержать её в этом мире силой. Кристина сначала пошатнулась от неожиданности, потом обняла в ответ. На-

стояще. Без сарказма, без защитной стены.

Плечо костюма почти сразу стало мокрым от слёз.

Вика плакала.

— Я до сих пор не могу в это поверить, — прошептала она. — Кристина, ты лежала у меня на руках. Мёртвая. Вся в крови. Я держала тебя и понимала, что всё. Что в один момент потеряла тебя...

Кристина закрыла глаза.

Ей вдруг вспомнилось.

Не полностью. Обрывками. Вика над ней. Голос, сорванный до хрипа. Слёзы. Мольба. Тепло чужих рук. Нежный, отчаянный поцелуй, похожий на попытку вернуть дыхание туда, где его уже не было.

Кристина осторожно отстранилась и вытерла слёзы с лица Вики.

— Прости меня.

— Не надо...

— Надо. Я заставила вас пережить то, чего никто не должен переживать.

— Ты умерла, дура. Это не тот случай, где надо извиняться за неудобства.

— В нашей семье принято извиняться даже после смерти. Мы вежливые.

Вика всхлипнула и нервно рассмеялась.

Кристина посмотрела ей в глаза.

— Я вернулась. Во многом благодаря тебе. Сейчас, когда

я стою здесь и вытираю с тебя слёзы, я вспоминаю многое. Твои слова. Как ты умоляла бога вернуть меня. Как держала меня и не хотела отпускать. Не знаю, как. Но я всё это помню.

Вика снова обняла её.

— Пообещай, что больше не позволишь мне пережить такое. Пожалуйста, Кристина.

Кристина крепче прижала её к себе.

— Обещаю. К тому же теперь я не просто человек.

Вика медленно отстранилась.

— В каком смысле не просто человек?

— Потом объясню.

— А давай прямо сейчас, — сказал Илья из-за спины. — Хочу посмотреть на её реакцию.

Вика резко повернулась.

— Ох, Илья! Привет. Рада тебя видеть.

— Взаимно, Вайлет.

Она посмотрела на его пальто.

— Это что на тебе?

— Пальто.

— Я вижу, что пальто. Почему оно выглядит так, будто ты украл его у бомжа?

Кристина указала на Вику.

— Я же говорила.

Илья вздохнул.

— Начинаю понимать, почему вы команда.

Вслед за Викторией спустились два Дениса — Спайк и Спи-

рит. Судьба, видимо, однажды решила, что одного Дениса в команде мало, и добавила второго для путаницы, потому что хаос тоже требует системного подхода.

Спайк подошел первым.

Он выглядел непривычно серьезным.

— Я рад, что ты вернулась, Кристина.

Она обняла его.

— Я тоже рада тебя видеть.

— Без тебя Ревнителю ничто.

— Не говори ерунды. Вы ведь справились.

Спирит стоял чуть в стороне, будто не знал, можно ли ему тоже лезть обниматься, или его сейчас проткнут за превышение эмоционального лимита.

Кристина сама подошла к нему.

— Иди сюда, гений с синдромом циркового попугая.

— Вот теперь я точно понял, что ты живая, — сказал Спирит и обнял её. — Мёртвые обычно менее оскорбительно ласковые.

— Не привыкай.

— Поздно. Я уже растрогался. Сейчас начну плакать в двоичном коде.

Кристина слабо улыбнулась.

— Я рада вас видеть. Безумно рада.

Она посмотрела на всех: Вику, Настю, Спайка, Спирита, Илью. Людей, которые за последние месяцы стали чем-то большим, чем союзниками. Стали тем, что она раньше боя-

лась назвать семьей, потому что семья слишком часто умирала, исчезала, предавала или оказывалась под аппаратами.

— Спасибо вам, — сказала она тише. — За то, что вы есть.

Вика тут же подняла палец.

— Зафиксировано. Проксима сказала что-то милое. День исторический. Спирит, запиши куда-нибудь.

— Уже записываю в раздел «события, которые нельзя доказывать без свидетелей».

— Очень смешно, — сказала Кристина. — А теперь я должна увидеть одного человека. Он должен быть наверху.

Она направилась к лестнице.

Вика резко сказала:

— Стой.

Кристина остановилась и повернулась.

— Что? Мне запрещено увидеть Диму?

— Нет. Просто... — Вика странно улыбнулась. — В общем, сама смотри.

Кристина нахмурилась.

— Вика, если это ещё один сюрприз, я клянусь, я...

Кто-то подошел к ней сзади.

Тихо. Достаточно тихо, чтобы обычный человек не услышал. Но теперь Кристина слышала. Шаги. Дыхание. Сердце. Знакомое. До боли.

Ладони закрыли ей глаза. Теплые ладони. Живые.

— Угадай, кто? — мягко спросил Дима.

Кристина перестала дышать. Мир исчез. Остался только

голос. Тот самый.

Она не сразу поверила. Мозг попытался защититься, сказать, что это галлюцинация, сон, очередная хромосомная херня после смерти. Но сердце уже знало. Сердце ударило так сильно, что ей показалось, будто вся комната услышала.

— Только один человек так поступал со мной, — прошептала она. — Только один.

Ладони медленно исчезли.

Кристина повернулась.

Дима стоял перед ней.

Бледный. Осунувшийся. Ещё слабый после комы, но живой. На ногах. С этой своей мягкой улыбкой, от которой у неё внутри рушилось всё, что она так старательно укрепляла сарказмом, злостью и оружием.

— Дима?

— Привет, Кристин.

Она бросилась к нему. Почти отчаянно.

Обняла так, будто если отпустит, он снова исчезнет в больничной тишине, в коме, в страшной неподвижности. Дима обнял её в ответ.

— Господи... — Кристина уткнулась ему в плечо. — Слава богу, ты очнулся. Дурачок ты мой... слава богу.

Дима погладил её по спине.

— Я здесь.

Кристина заплакала. Остальные молчали.

Дима чуть отстранился и посмотрел ей в глаза.

— Я пролежал в коме больше двух недель. Полгода назад ты пролежала примерно столько же. Это, видимо, пойдет в копилку наших общих черт.

Кристина всхлипнула и рассмеялась одновременно.

— Ты только очнулся, а уже несешь свою добрую чушь.

— Я тренировался во сне.

Она снова прижалась к нему.

— Тебе столько надо узнать. Столько рассказать. Ты даже не согласишься.

— Часть мы ему уже рассказали, — сказала Вика.

Кристина обернулась.

— Ладно, Ревнителю. Давайте спустимся в подвал. Нам нужно многое обсудить. Салдэрс всё ещё скрывается. Мы найдем его. Он заплатит за всё, что сделал.

Дима нахмурился.

— А что он сделал?

Кристина медленно повернулась к Вике.

— Говоришь, часть рассказали?

Вика виновато развела руками.

— Ну... про Берлин ещё не успели.

Дима посмотрел на них.

— А что с Берлином?

Комната снова стала тихой.

Кристина не хотела говорить это ему сейчас. Не хотела портить первые минуты после возвращения, не хотела класть на него эту тяжесть, когда он едва вышел из комы. Но правда

уже стояла между ними. Огромная. Черная. С миллионами голосов под завалами.

— Он уничтожен, — сказала она.

Дима застыл.

— Что?

— Салдэрс запустил боеголовки по пяти столицам. Мы остановили четыре. Берлин... не успели.

Дима медленно опустил взгляд.

Он не сказал ничего сразу. Только сжал руку Кристины сильнее.

— Господи, — тихо произнес он наконец.

— Да, — сказала Кристина. — Именно такое слово. Хотя даже оно слабое.

Пауза длилась несколько секунд.

Потом Спирит осторожно поднял руку.

— И да, Кристина... пока ты спала, случилось ещё кое-что феноменальное.

Кристина медленно повернулась к нему.

— Подробнее.

— Кажется, наш президент вернулся с того света.

Глава 3

Тайное убежище Салдэrsa

Результаты Элиминации не впечатлили Салдэrsa.

Если быть точнее, они его бесили. Не так, как злился Руденко, когда хотел кого-нибудь разрубить пополам и назвать это рабочим диалогом. Злость Салдэrsa была другой: холодной, глубокой, опасной. Она не выплескивалась наружу криком. Она копилась внутри, превращаясь в новые схемы, приказы и планы, от которых у нормального человека кровь свернулась бы ещё на стадии черновика.

Он не добился главного.

Не взял страну.

Не стал спасителем.

Не заставил мир склониться перед его новой реальностью.

Берлин лежал в руинах, мир содрогнулся, правительства начали грызться между собой, а имя Слэйда Салдэrsa теперь произносили на всех языках — с ненавистью, страхом и проклятиями. Но этого было мало. Слишком мало.

Анжела была мертва.

Руденко был мёртв.

Серов давно гнил в прошлом.

Ирина... Салдэрс не позволял себе думать об Ирине слишком долго.

Огромный зал его нового старого убежища гудел от рабо-

ты. Здесь всё было меньше, чем в Слэйм-Сити, но не слабее: стены из темного металла, голографические карты, серверные стойки, дежурные боевые посты, вооруженные солдаты, медики, инженеры, аналитики. Люди двигались быстро, почти бесшумно, как детали внутри машины, которой не положено иметь совесть. В воздухе пахло горячим пластиком, озоном, оружейной смазкой и чем-то стерильным — будто лаборатория и военный штаб поженились, завели ребенка и сразу записали его в террористы.

В центре зала, за широким черным столом, сидели Салдэрс и Эрнестро.

Эдуард Громов выглядел почти так же, как всегда: тяжелый, сдержанный, собранный. После боя со Спайком на нем оставались следы повреждений — жесткая повязка под воротником, несколько синяков, едва заметная скованность в движениях. Но в его лице не было ни жалоб, ни боли. Только усталость человека, который видел, как рушится план, и теперь вынужден смотреть, как его начальник делает вид, будто это была всего лишь разминка.

На голографической карте перед ними медленно вращалась модель мира. Германия была выделена кроваво-красным пятном. Россия — серым. США, Великобритания, Франция, Канада — тревожным оранжевым. Слишком много цветов для карты, которая должна была означать власть. Слишком похоже на медицинский снимок болезни, расплывающейся по планете.

— Уже весь мир знает о нас, — сказал Эрнестро. Голос у него был ровный, но в нем чувствовался металл. — Мы теперь самая крупная и опасная террористическая организация на планете. Ты этого добивался, Салдэрс?

Слэйд не сразу ответил.

Он смотрел на красную метку Берлина.

— Я добивался результата.

— Результата? — Эрнестро чуть наклонился вперед. — Слэйм-Сити разрушен. Половина наших объектов раскрыта. ДАГЭТ знает слишком много. Ревнителю знают слишком много. Мир знает твое имя. Если это результат, то он выглядит как груда дымящегося дерьма в красивой упаковке.

Несколько солдат у дальней стены сделали вид, что ничего не слышали. Очень старательно сделали. У людей, работающих на Салдэрса, инстинкт самосохранения обычно развивался быстрее профессиональных навыков.

Салдэрс медленно поднял глаза.

— Наши действия были жестоки. Да. Но я хотел поднять Россию с колен.

Эрнестро тихо усмехнулся.

— Ты уничтожил Берлин.

— Чтобы Россия не была уничтожена чужими правилами.

— Красивые слова. И очень удобные. Ими можно оправдать что угодно: похищения, эксперименты, массовые убийства, собственную дочь на операционном столе.

Салдэрс резко посмотрел на него.

В зале будто стало холоднее.

— Осторожнее.

— Я и так осторожен. Именно поэтому ещё говорю с тобой, а не молча выполняю очередной приказ, который закончится братской могилой.

Салдэрс сжал пальцы на краю стола. Суставы побелели.

— Жертвы были не напрасны.

— Ты правда в это веришь?

— Да.

— Тогда скажи мне, стоило ли оно того?

Пауза стала тяжелой.

Салдэрс хотел ответить сразу. Раньше ответил бы. С той самой железной уверенностью, от которой люди верили ему даже тогда, когда он вел их в ад с логотипом Sulderscorp на воротах.

Но теперь его голос прозвучал тише.

— Финал ещё не наступил.

— Помнится, в прошлый раз ты говорил то же самое, — сказал Эрнестро. — «Нас не остановят». «Они не успеют». «ДАГЭТ слишком медленные». «Ревнителю — уличные мстители». В итоге они ворвались в Слэйм-Сити, сорвали запуск четырех боеголовок, убили Синистру и Вепря, забрали Шитина и разрушили базу. Отличная недооценка. Почти академическая.

Салдэрс встал.

— Именно на этот случай я подготовил план Б.

— Большую Элиминацию?

— Да.

Эрнестро посмотрел на него внимательнее.

— Твои планы всегда грандиозны, Слэйд. В этом их сила. И слабость.

— Этот не похож на предыдущий. Ты забыл, где мы прямо сейчас находимся? Я построил Кастат прямо под носом у всех, но никто даже не заметил... но скоро это изменится.

Салдэрс подошел к прозрачной стене, за которой виднелась нижняя часть комплекса. Там, в огромных закрытых секциях, работали люди в защитных костюмах.

— Завтра, — сказал Салдэрс, — после того как я узнаю, кто виновен в смерти моей жены, начнется Большая Элиминация.

Эрнестро поднялся следом.

— А если Кравченко лжет?

— Тогда я заставлю его пожалеть, что он вообще научился говорить.

Громов помолчал.

— Как быть с Ревнителями? Они убили Анжелу и Руденко.

— Они заплатят.

— Ты уже говорил это.

— Теперь я не собираюсь посылать против них людей, которые умеют только стрелять и красиво умирать.

В этот момент массивные двери зала раскрылись.

Внутри вошли трое.

Они двигались не как обычные солдаты. Неуверенно. Слишком ровно. Почти синхронно, будто в их головах не было собственных мыслей, только команды, вложенные глухо под кожу.

Первым шел мужчина в синем костюме. Его кожа была белой, блестящей, ледяной, словно человек не жил, а был вырезан из замерзшего мрамора. От него тянуло холодом: воздух вокруг плеч чуть мутнел, на металлическом полу под ботинками оставались тонкие серебристые следы инея. Лицо красивое, с элементами блестящих геометрических фигур, пустое, с глазами, в которых не было ни злобы, ни страха. Только прозрачная неподвижность.

— Объект номер девятнадцать, — произнес Салдэрс. — Павел Грандж. Позывной — Айстью.

Следом вошла высокая девушка с белыми волосами и такими же белыми глазами. Вокруг её пальцев трещали маленькие электрические разряды. Они пробежали по костюму, вспыхивали на плечах, исчезали под кожей и снова вырывались наружу тонкими синими нитями. Лампы над ней пару раз моргнули, будто помещение само нервничало рядом с ней. На груди характерная эмблема электрического разряда.

— Объект номер четырнадцать. Ольга Франц. Леди Магнитика.

Третьей была девушка среднего роста со слегка азиатскими чертами лица. Темный костюм, плотный плащ, наручи на

предплечьях. В отличие от первых двух, она выглядела почти обычной — и именно это пугало сильнее. Её взгляд был пустым, но слишком внимательным. Как у человека, который не помнит себя, но уже знает, куда ударить.

— Объект номер восемнадцать. Пелагея.

Все трое остановились напротив Салдэrsa.

Ни один не спросил, где он. Кто он. Почему они здесь. Почему их тела стали другими. Почему внутри головы пустота, словно кто-то аккуратно вытер их личности влажной тряпкой и забыл проветрить.

Эрнестро смотрел на них без выражения, но в глазах появился интерес.

— Они послушны?

— После коррекции памяти — достаточно.

— Достаточно?

— Полное послушание делает оружие тупым. А мне нужны не куклы. Мне нужны охотники, которые помнят только то, что должны помнить.

Айстью медленно повернул голову к Эрнестро. На его ресницах блеснули крошечные льдинки.

Леди Магнитика чуть дернула пальцами, и из одного электронного прибора на дальнем столе вырвалась искра.

Пелагея молчала.

Салдэрс впервые за долгое время улыбнулся почти искренне.

— Пора уравнивать силы. Ревнителям придется столкнуть-

ся с Уравнителями.

В это же время

Штаб-квартира Ревнителей

Новости показывали уже третий раз подряд.

На экране мелькали кадры с Красной площади: цветы, свечи, траурные ленты, люди, которые ещё вчера плакали по погибшему президенту, а сегодня стояли с лицами граждан, внезапно осознавших, что похороны, возможно, были репетицией.

Голос диктора звучал напряженно, но с той особой телевизионной выправкой, будто человек сообщает о конце света, но всё равно помнит, что у него хороший профиль.

«До сих пор неясны все подробности произошедшего, но факт остается фактом: президент Лев Анатольевич Смирнов жив. Ещё несколько дней назад страна несла цветы на Красную площадь, а сегодня многие в шутку говорят, что их пора забирать обратно. Однако население волнует другой вопрос. Вчера, когда президента обнаружили на улицах города, у него наблюдалась полная потеря памяти. Он не знал, кто он, не узнавал сотрудников охраны и не мог объяснить, как оказался в центре Москвы. Сегодня же администрация заявила, что память к президенту вернулась».

Камера показала толпу. Плакаты. Споры. Людей, кричащих друг на друга так яростно, будто каждый лично отвечал за государственное устройство и плохую погоду.

«Общество разделилось. Одни считают, что президент всё ещё ничего не помнит и лишь делает вид, чтобы удержаться у власти. Другие доверяют Льву Анатольевичу и требуют прекратить политические спекуляции на фоне национальной трагедии. Все крупные политические партии, напротив, выступают за его отставку и продолжение президентской гонки, которая должна была начаться после объявленной гибели главы государства. Уже завтра президент даст первое публичное интервью на Красной площади и примет решение о дальнейшей судьбе бывшего мэра Москвы Анатолия Кравченко...»

Кристина выключила экран.

В подвале стало тихо.

За длинным столом сидели Ревнителы в полном составе.

Окси молчала, но её индикаторы на панели мягко светились, как глаза очень воспитанного искусственного интеллекта, который, если честно, тоже уже устал от новостей.

— Ну и дела, — сказала Кристина.

Вика скрестила руки на груди.

— Как он вообще выжил? Самолет взорвали. Потом его похоронили. Это что, новая государственная программа? «Президент: версия с откатом»?

Дима мягко посмотрел на экран.

— Мы не знаем, что произошло на борту.

— Но там же...

— Ты сама это видела?

Вика открыла рот.

Закрыла.

— Нет, но...

— Значит, всё могло быть иначе, — сказала Кристина.

— Уверена, Салдэрс использует президента. Вопрос — как именно.

Настя сидела напротив и внимательно смотрела на потухший экран.

— Его план был занять место президента. Убить Смирнова было бы логично. Политический вакуум, срочные выборы, хаос, страх, страна ищет сильную руку. Всё красиво, если ты безумный ублюдок с армией.

— А оставить его в живых? — спросил Спайк.

— Ещё красивее, если президент стал инструментом, — сказал Дима.

Кристина потеряла виски.

Головная боль никуда не исчезла. Просто стала фоном. Как сирена где-то далеко. Внутри неё всё ещё было слишком много звуков: сердца друзей, вентиляция, слабый гул серверов, Димино дыхание. Особенно Димино. Оно успокаивало и одновременно заставляло постоянно проверять, что он жив.

— Мне не дает покоя, что за всем этим снова стоит Салдэрс, — сказала она. — Он не оставил бы Смирнова просто так. Это не милосердие.

— Значит, надо понять, что президент помнит, — сказал

Дима.

— Или что ему приказали помнить, — добавил Спирит.
Настя чуть нахмурилась.

— Гипноз?

— Технологии Sulderncorp, — ответила Кристина. — Там может быть что угодно. Стертая память, ложные воспоминания, шантаж, имплант, нейровирус, я не знаю. После живой стали и моего возвращения из мёртвых я уже не хочу смеяться ни над какими вариантами.

Пауза продлилась несколько секунд.

Потом Дима сказал:

— Мы должны похитить президента и допросить его.
Все повернулись к нему.

Даже Окси тихо пикнула, будто искусственный интеллект тоже поперхнулся.

Вика медленно подняла палец.

— Прости. Мне показалось, что самый моральный человек в комнате только что предложил похитить президента.

— Тебе не показалось.

— Дима, ты с ума сошел? — Вика подалась вперед. — Нас всех объявят в федеральный розыск. Поверь, я там уже была. Очень сомнительный клуб. Никаких бонусов.

Дима посмотрел на неё спокойно.

— Я не предлагаю причинить ему вред. Я предлагаю вывести его из-под контроля тех, кто может использовать его против страны.

Спайк присвистнул.

— Вот это возвращение из комы. Я думал, ты начнешь с чая, прогулок и фразы «мне надо восстановиться». А ты сразу: «давайте украдем главу государства». Уважение.

Дима чуть смутился.

— Я не говорил «украдем».

Вика ткнула пальцем в стол.

— По смыслу сказал.

— Дима прав, — неожиданно произнесла Кристина.

Вика повернулась к ней.

— Не начинай. Я только начала привыкать к тому, что он вышел из комы, а ты воскресла. Не надо сразу превращать день в федеральный суицид.

— Идея губительная, — сказала Кристина. — Опасная, безумная и юридически настолько мёртвая, что рядом с ней моя клиническая смерть выглядит легкой простудой. Но нам нужно поговорить со Смирновым без охраны, камер и людей, которые могут докладывать Салдэрсу.

Илья осторожно спросил:

— Так как поступим?

Кристина посмотрела на карту Красной площади, которую Спирит уже вывел на стол.

— Завтра. Во время интервью.

Настя напряглась.

— На Красной площади? Там будет охрана, ФСБ, полиция, снайперы, журналисты, толпа и, вероятно, каждый вто-

рой человек с телефоном.

— Нас там засекут, — сказал Спайк.

— Не засекут, — ответила Кристина. — У меня теперь сверхскорость.

Вика закрыла глаза.

— Вы меня так до инфаркта доведете.

Спирит поднял руку.

— Технически у тебя молодое сердце.

— Технически я сейчас тебе молодую клавиатуру засуну в старое место.

Все замолчали.

Кристина смотрела на схему. Красная площадь. Возможные перекрытия. Точки камер. Места для журналистов. Всё выглядело безумно. Но безумие давно стало рабочим инструментом, просто раньше оно хотя бы не носило табличку «похищение президента».

Вдруг она резко выругалась:

— Проклятье!

Настя сразу повернулась.

— Что такое?

— В этом деле нам нужна помощь ДАГЭТ.

Вика моргнула.

— Так в чем проблема?

Кристина посмотрела на неё так, будто проблема лежала на столе, махала руками и кричала «я здесь».

— Вика, я сбежала из их медицинского сектора, избила

охрану, сломала стену и уехала с их объектом наблюдения.

Илья снова поднял руку.

— Формально стену сломал я.

— Спасибо. Разделим уголовку поровну.

Вика пожала плечами.

— Ну... зайдем, извинишься.

Кристина поморщилась.

— Не произноси это слово.

— Какое?

— «Извинишься». У меня на него аллергия. Мне неприятно извиняться. Особенно перед Кройск. Она будет смотреть на меня своим лицом «я взрослая женщина, а вы все дети с гранатами».

Спайк фыркнул.

— Ну... иногда мы правда дети с гранатами.

Настя стала серьезнее.

— ДАГЭТ — наши ближайшие союзники. Больше того, мы сами — часть этой истории, хотим мы этого или нет. Мелисса работала там. Параноик там. Акация там. Шитин под их охраной.

Кристина выдохнула.

— Ладно. Бог вам судья. Едем в штаб-квартиру ДАГЭТ. Надеюсь, Кройск не настолько зла, чтобы встретить меня кандалами номер два.

В этот момент смартфон Кристины зазвонил.

Она взглянула на экран и мгновенно стала серьезнее.

— Детектив Орлов.

Вика тоже выпрямилась.

— О, наш любимый ходячий шов.

Кристина приняла вызов.

— Да, детектив. Я вас слушаю.

Голос Орлова прозвучал тихо, хрипловато, но уже крепче, чем раньше:

— Здравствуйте, Проксима. Не помешал?

— Нет. Как вы? Вас уже выписали из больницы?

— Да. Вчера. Врачи сказали, что я снова здоров. Правда, судя по ощущениям, они имели в виду состояние старого шкафа после переезда, но ходить могу. У меня для вас есть любопытная информация.

— Какая? Не томите. Вы же знаете, у меня терпение маленькое, а после смерти оно, кажется, стало ещё меньше.

На другом конце линии повисла пауза.

— После смерти?

— Потом расскажу.

— Хорошо. Помните моего напарника? Сержанта Петрова?

Кристина замолчала на секунду.

— Помню. И ещё раз примите мои соболезнования. Но могу сообщить: Синистра мертва. Мы отомстили за него.

Орлов тихо выдохнул.

— Славно. Правда славно. Но я звоню по другому поводу.

— Слушаю.

— Ко мне попала его флешка. Флешка Петрова.

Кристина напряглась.

— Что на ней?

— Вот тут начинается самое интересное. Я думал, там будут отчеты, копии материалов, личные заметки. Но внутри... Проксима, внутри целая куча информации о Sulderson.

В комнате стало тихо. Вика подошла ближе.

Спирит уже начал что-то быстро набирать на клавиатуре, хотя ещё даже не знал, что именно нужно искать.

— Насколько большая куча? — спросила Кристина.

— Очень. Слэйм-Сити. Двадцать четвертая пара хромосом. Элиминация. Большая Элиминация. Схемы, имена, фрагменты переписок, какие-то медицинские файлы, координаты, обрывки протоколов. Тут, черт возьми, целая энциклопедия. Я понятия не имею, как это попало в руки моего покойного напарника.

Кристина почувствовала, как внутри всё резко сжалось.

— Детектив, — сказала она быстро, — нам нужно срочно встретиться. Немедленно.

— Я так и подумал.

— Я отправлю адрес. Приезжайте как можно быстрее. И никому больше не говорите о флешке. Вообще никому.

— Даже в участке?

— Особенно в участке.

Орлов помолчал.

— Думаете, там может быть крот?

Кристина посмотрела на остальных.

— После всего, что сделал Салдэрс, я думаю, что крот может быть даже в моей кофеварке.

Окси спокойно произнесла:

— В вашей кофеварке посторонних устройств не обнаружено.

Вика вздрогнула.

— Окси, заткнись!

Орлов на другом конце линии хмыкнул.

— Я понял. Буду осторожен.

— Жду вас.

Кристина подняла глаза.

На лице у неё впервые за день появилось нечто похожее на боевое оживление.

— Одевайтесь. По пути всё расскажу. Нам срочно надо в ДАГЭТ.

Дима нахмурился.

— А Орлов?

— Встретим его там. Если на флешке действительно есть информация о Большой Элиминации, Кройск придется простить мне стену, охрану и маленький побег.

Спайк поднялся.

— А если не простит?

Кристина надела очки.

— Тогда Илья снова станет булыжником.

Илья устало посмотрел на потолок.

— Мне нужна кличка. Срочно.

Глава 4

Спустя час

Штаб-квартира ДАГЭТ

Главный информационный зал ДАГЭТ снова был забит людьми, светом мониторов и тем мерзким напряжением, от которого даже техника, казалось, работала тише обычного. Огромный экран во всю стену показывал схемы, куски зашифрованных файлов, фотографии, линии маршрутов и красные отметки, от которых в голове сразу становилось шумно. Слишком много красного. Слишком много неизвестного.

В зале собрались все, кого эта история уже успела протащить лицом по битому стеклу: Ревнителю, детектив Орлов, Полина «Акация», Сергей Параноик, Александра Кройск, Евгения Михайловская. Кто-то стоял у стола, кто-то сидел, кто-то просто молчал и делал вид, что не хочет разнести ближайшую стену.

Обнаруженная информация оказалась не просто ценной. Она была из тех находок, после которых нормальные люди пьют воду, садятся и начинают верить в Бога, даже если пять минут назад называли его выдумкой для слабонервных.

— Так, — начала Кройск, стоя перед огромным монитором. Голос у неё был ровный, но лицо — слишком собранное, чтобы это выглядело спокойствием. — Мы тщатель-

но проанализировали флешку. Информация действительно ценная. Более того, она подтверждает часть наших худших предположений. Если бы она попала в наши руки чуть раньше, возможно, мы бы успели предотвратить Элиминацию. У меня один вопрос, детектив. Откуда она у вас?

— Я же говорю, это флешка моего напарника, — упрямо повторил Орлов. Он выглядел усталым, злым и каким-то постаревшим за последние недели. — Я не знаю, откуда она у него. И поверьте, меня это интересует не меньше, чем вас.

— Может, поэтому вашего напарника и убила Синистра? — спросила Проксима.

Орлов дернулся. Не сильно, но достаточно, чтобы стало понятно: попала в больное место. Он на секунду опустил взгляд, будто пытался снова увидеть тот день не глазами, а всем телом — выстрелы, кровь, квартиру Ирины Панкратовой, Петрова.

— Нет, — наконец сказал он. — В тот день она просто вломилась в квартиру Ирины Панкратовой и открыла по нам огонь. Мой напарник, сержант Петров, погиб, да. Но она не обыскивала его. Она не искала никакую флешку.

— Ладно, — Кройск чуть наклонилась вперед, возвращая разговор в нужное русло. — Как вы обнаружили флешку?

— Я вышел из больницы, — начал Орлов. — Направился в полицейский участок. Зашел в свой кабинет и увидел её на тумбочке покойного напарника.

— На тумбочке Петрова?

— Да.

— И с чего вы решили, что это именно его флешка?

— Да потому что она действительно его! — вспыхнул Орлов. — Я помню, как однажды...

Он резко замолчал.

В зале будто кто-то выключил лишний звук. Даже голограмма на экране продолжала бесшумно вращаться, как издевательство. Орлов смотрел в одну точку, и по его лицу было видно: память догнала его не мягко, а как грузовик без тормозов.

— О господи... — выдохнул он. — Блин... черт возьми...

— Вы что-то вспомнили? — быстро спросила Проксима.

— Да, — Орлов медленно поднял взгляд. — Вспомнил.

Три недели назад

«Проксима 2», отрывок из главы 11

Детектив Орлов и его напарник, сержант Петров, приехали к Салдэрсу, чтобы задать ему несколько вопросов. Обычная процедура. По крайней мере, на бумаге. В реальности же это было похоже на попытку тыкать палкой в пасть огромной ядовитой твари и надеяться, что она сегодня сыта.

Когда визит закончился, они вышли из особняка и направились к машине.

Петров хотел уже открыть машину, когда Орлову позволили из участка. По лицу детектива сразу стало понятно: звонок не из тех, после которых спрашивают, как дела.

— Детектив Орлов слушает. Что на этот раз?

На том конце линии голос молодого полицейского звучал напряженно.

— Детектив, у нас плохие новости.

— Это насчет Вайлет? Вы её поймали?

— Нет. Мы её не поймали.

Орлов медленно выпрямился.

— Что произошло? Докладывай как есть.

— Все семеро полицейских, которых отправили на захват... они мертвы, детектив.

На несколько секунд Орлов замолчал.

— Господи боже...

Петров сразу посмотрел на него.

— Это Вайлет? — спросил Орлов в трубку. — Её рук дело?

— Мы не знаем. Предварительно причина смерти — пулевые ранения.

— Вайлет не использует огнестрельное оружие.

— Да, сэр. Следователи уже выехали на место.

— Хорошо. Я тоже скоро буду. Ничего там не трогать до моего приезда. Конец связи.

Орлов сбросил вызов и несколько секунд просто стоял с телефоном в руке. Дыхание стало тяжелее.

— Что случилось? — спросил Петров.

— По дороге объясню.

Петров полез в карман за ключами, но вместе с ними слу-

чайно вытащил небольшую флешку. Черную, гладкую, без опознавательных знаков.

Он нахмурился.

— Так... Это случайно не твоя флешка?

Орлов раздраженно посмотрел на неё.

— Нет. А что?

— Так и не моя.

Они переглянулись.

На секунду оба одновременно повернули головы в сторону особняка.

Дверь была закрыта. Окна смотрели на них темными стеклами. Дом снова выглядел абсолютно спокойным.

Слишком спокойным.

— Как она оказалась у меня в кармане? — тихо спросил Петров.

Орлов сжал челюсть.

— Потом разберемся. Сейчас заводи машину.

Наше время

— Всё так и было, — уверенно сказал Орлов. — Кто-то ему подкинул эту флешку. И я, кажется, знаю, кто.

— В самом деле? — Кройск посмотрела на него внимательно.

— Да. Одна из домработниц.

Вайлет сразу выпрямилась.

— Домработница?

— Когда мы пришли к Салдэрсу, дверь открыла служанка. Высокая брюнетка. Ослепительная. Такая, что её сложно не заметить, даже если ты пришел задавать вопросы человеку, который, возможно, торгует смертью оптом.

— Ослепительная служанка в особняке суперзлодея, — пробормотал Спайк. — Звучит как начало очень плохого фильма.

— Или очень хорошего, но не для всей семьи, — добавила Вайлет.

Проксима бросила на них взгляд.

— Сосредоточьтесь, кинематографисты.

Орлов продолжил:

— Она дотронулась до Петрова, когда провожала нас к выходу. Тогда я подумал, случайность. Узкий проход, вежливость, всё такое. А сейчас...

— Сейчас это выглядит как передача, — закончила за него Акация.

— Именно.

— Вы уверены? — спросила Кройск.

— Абсолютно.

Проксима медленно повернула голову к Кройск.

— Кройск, ничего не хочешь рассказать?

— Не смотри на меня так, — ответила та. — Я не посылала своих людей следить за Салдэрсом. Кем бы ни была эта служанка, она точно не из ДАГЭТ.

— Просто удивительно, — Вайлет скрестила руки на гру-

ди. — Какая-то женщина из дома Салдэрс подкидывает вашему напарнику флешку с информацией, за которой ДАГЭТ гонялась месяцами. И делает это так аккуратно, что никто ничего не понимает, пока половина людей уже не умерла, не воскресла или не получила новую порцию проблем.

— У меня они уже по подписке, — сухо сказала Прокси-ма.

— Платная?

— Пожизненная.

Параноик задумчиво посмотрел на экран.

— Может, она не могла покинуть дом. Если Салдэрс держал персонал под контролем, флешка через полицейского была единственным шансом передать информацию наружу. В любом случае надо найти её, — решил Параноик. — Кем бы она ни была, она дала нам то, что Салдэрс точно не хотел отдавать добровольно.

— Да, надо, — поддержал Орлов. — И немедленно. Если у неё оказалась такая информация, бог знает, что у неё ещё может быть. Или что с ней уже сделали.

Последняя фраза неприятно зацепилась в воздухе.

— Как она выглядела? — спросила Акация.

Орлов потер переносицу, пытаясь вытащить из памяти детали.

— Высокая брюнетка. Лет тридцать пять — сорок. Красивая. Лицо спокойное. Осанка такая, будто она не полы может, а королевский трон временно сторожит. Остального не

ПОМНЮ.

— Так и запишем, — сказала Акация. — Высокая брюнетка, опасно красивая, возможно, шпионка, возможно, пленница, возможно, очередная проблема с ногами от ушей.

— Отличное описание для ориентировки, — буркнул Клэвэр. — Полгорода подойдет.

После небольшой паузы Клэвэр задал вопрос, который странным образом до этого никто не произнес вслух:

— Мне одному интересно, что такое Большая Элиминация?

Кройск нажала на пульт, и на огромном мониторе сменилось изображение. Красные точки расплзлись по карте, как болезнь по коже.

— Судя по информации на флешке, это план «Б». На случай провала самой Элиминации.

— В чем его суть? — спросил Клэвэр.

— Удары по многим городам Запада. На этот раз не по пяти, а по десяткам. Считайте, что это совершенно новый уровень. Психопаты любят ставить всё более амбициозные планы после своих провалов.

— Всё то же оружие? Землетрясения? — уточнил Спирит.

— Не совсем.

Кройск вывела голографическую проекцию. Над столом возникла вытянутая капсула с несколькими выдвижными креплениями, похожая на помесь ракеты, огромной батареи и чего-то, что нормальный инженер обязан был сжечь ещё

на стадии чертежа.

— Это что-то новое. Несколько таких капсул подлетают к каждому выбранному городу и соединяются с крупными электростанциями.

— И в чем прикол? — спросила Проксима.

— А прикол, госпожа Канина, в том, что эти капсулы выпускают в электростанцию сверхмощный электрический заряд. В каждой — запас энергии, который нельзя назвать просто большим. Он чудовищный.

— Чудовищный — это когда у меня утром кофе закончился, — сказала Вайлет. — Тут, кажется, слово побольше нужно.

— Как результат, — продолжила Кройск, — сеть перегружается. Всё, что подключено к линиям электропередачи, может загореться или взорваться. Телевизоры, компьютеры, микроволновки, зарядные станции, серверные, промышленное оборудование. Всё, что питается от сети, становится потенциальным источником пожара.

Голограмма сменилась моделью города. Сначала на ней загорелась электростанция. Потом красные вспышки побежали по районам, расползаясь по улицам, домам, офисным зданиям. Маленькие точки вспыхивали одна за другой, будто кто-то невидимый поджигал город изнутри.

— Один подобный удар, — сказала Кройск, — и город лишается света, связи и контроля. Электростанции взрываются. Сети падают. Пожары начинаются одновременно в сот-

нях точек.

В зале стало тихо.

— И вправду что-то новенькое, — медленно сказала Проксима. — То есть один удар по городу — и он окажется в полном аду?

— Ни единого света, — ответила Кройск. — Только пожары. Дым. Паника. Нарушенная связь. Больницы переходят на резервные источники, если успеют. Диспетчерские слепнут. Люди застревают в лифтах, метро, тоннелях. А дальше — грабежи, разбои, давка, аварии. Город не просто атакуют. Его заставляют убивать самого себя.

— Весело, — мрачно сказал Спайк. — Праздник урбанистики.

— Одно радует, — добавила Кройск. — Прямые людские потери от такого оружия в сотни раз ниже, чем от ударов Элиминации. Число погибших будет зависеть от города. От плотности населения. От времени суток. От того, сколько больниц, заводов, транспортных узлов попадет в зону перегрузки.

— То есть от того, насколько Салдэрсу сегодня захочется побыть богом, — сказала Проксима.

— Примерно.

— И когда начнется Большая Элиминация? — спросила Проксима. — И где Салдэрс прячет это оружие?

— Мы не знаем, — признала Кройск. — К сожалению, на флешке этого обнаружить не удалось. Там есть принцип

работы, часть схем, расчеты, цели в общих категориях, но нет точного склада, маршрутов и даты запуска. Поэтому нам нужно найти эту лжеслужанку. Уверена, она знает больше нас.

Проксима несколько секунд смотрела на красную карту, потом подняла глаза.

— Или допросить президента. Уверена, он что-то знает, — спокойно сказала Проксима.

— Это очень рискованно, — сказала Кройск. — Но ты права, Кристина. Вопрос только в том, есть ли у тебя четкий план.

Проксима усмехнулась.

— К черту план. У меня есть сверхскорость.

Клэвэр прикрыл глаза ладонью.

— Началось.

— Во время завтрашнего интервью, — продолжила она, — я просто быстро похищу его. Быстро возьму, быстро вынесу — никто ничего не поймёт. А чтобы камеры ничего не запечатлели, сначала приводим в действие ЭМИ-заряд. Или Спирит отключит камеры. Так ведь?

— Сделаю без проблем, — вдруг раздалось из дальнего угла.

Все слегка повернулись.

Спирит сидел там тихо, почти незаметно, будто был частью интерьера. Очень странной частью интерьера, которая могла взломать тебе жизнь, пока ты моргаешь.

— Ты давно там? — спросила Вайлет.

— С начала совещания.

— Жутковато.

Кройск смотрела на Проксиму и остальных Ревнителей так, будто уже заранее жалела о следующих словах.

— У меня есть для тебя две плохие новости, Кристина.

— Куда же без них, — Проксима развела руками. — Излагай. Желательно без фразы «всё ещё хуже, чем мы думали», а то я уже начинаю привыкать и это пугает.

— Наши агенты заявляют, что никакого интервью не будет.

Проксима нахмурилась.

— В смысле?

— Президент не будет давать интервью. Он хочет публично, в прямом эфире, вынести решение по делу Кравченко, нашего бывшего мэра.

Арлетт сразу подняла голову. В её глазах мелькнуло что-то острое, почти болезненное.

— Наконец-то он отправит его на пожизненное, — сказала она. — Уже несколько недель в новостях только об этом и говорят. Как же я этого ждала.

Кройск на секунду замолчала.

И этой секунды хватило, чтобы в зале стало холоднее.

— Напротив, — произнесла она. — У нас есть информация, что президент хочет его оправдать.

Столу под рукой Арлетт не посчастливилось.

Она ударила по нему так резко, что металл хрустнул, а лежавшие рядом предметы с грохотом посыпались на пол. Кто-то вздрогнул. Кто-то потянулся к оружию и тут же остановился, поняв, что угроза сейчас не снаружи.

Арлетт стояла бледная, с перекошенным от бешенства лицом.

— КАК ОПРАВДАТЬ?! — её голос сорвался. — Есть же доказательства его вины!

— Мы сами не понимаем, — сказала Кройск.

— Не понимаете? — Арлетт усмехнулась, но в этом смешке не было ничего живого. — Этот человек убил моих родителей. Он виновен. Все это знают. А президент хочет его оправдать?

Проксима сделала шаг ближе.

— Настя...

— Пусть даже не старается, — продолжила Арлетт. — Если этот ублюдок с потерей памяти его оправдает, я устрою с ним игры похлеще тех, что устроила для Кравченко!

— Ах да, насчет второй новости, — продолжила Кройск. Вайлет подняла руку.

— Можно я угадаю? На нас ещё летит метеорит с лицом Салдэрса?

— Есть подтвержденная информация, — сказала Кройск, — что лидеры некоторых партий наняли киллеров, чтобы завтра устранить президента и бывшего мэра. В политике сейчас такая грязь творится, что грязь, в которой купается

Салдэрс, покажется вам сладкой ватой.

Вайлет медленно повернулась к Проксиму.

— Так, я не поняла. Мы завтра идем спасать их или похищать?

— Хах, — Проксима усмехнулась. — А это ведь даже на пользу. Похитим президента и сделаем вид, будто спасли его от киллеров. Он нам ещё благодарен останется.

Арлетт смотрела только на Проксиму.

— Кристина.

— Что?

— Если президент решил оправдать Кравченко, позволь мне всадить ему пулю в лоб.

В зале стало тише.

Проксима посмотрела на неё долго. Без насмешки. Без обычной ядовитой защиты.

— Ты же знаешь, я не могу тебе этого позволить.

— Он заслужил.

— Знаю.

— Тогда почему?

— Потому что если ты сделаешь это, ты снова превратишься в то, от чего мы тебя едва вытащили.

Арлетт сжала кулаки.

— Я не прошу лекцию.

— А я не прошу тебя быть спокойной. Я прошу не превращать завтрашний день в личную бойню. Я прекрасно понимаю, каково тебе, даже не смей в этом сомневаться. Но,

пожалуйста, Настя, оставайся собой и держи себя в руках.

В следующую секунду заговорил Клэвэр.

По его виду было понятно: он уже устал от всего. От политики, от убийц, от Салдэрсса, от голограмм, от того, что мир снова решил лечь на рельсы и посмотреть, что будет. Даже несмотря на то, что половину этих событий он пролежал в коме.

— Бла-бла-бла, — сказал он. — С каких пор девушки решают всё?

Тишина стала совсем другой.

Опасной.

Проксима медленно повернула к нему голову.

— У тебя есть свои планы, родной?

Клэвэр тут же понял, что где-то между мозгом и языком у него произошла маленькая авария.

— Нет, я не в том смысле...

— А в каком?

— В смысле, мы сидим тут, слушаем вас и просто молчим. Мне надоело. Уверен, Спайк, Спирит, Илья, Параноик и детектив меня понимают.

Параноик очень аккуратно посмотрел в сторону.

Орлов сделал вид, что изучает экран.

Илья внезапно заинтересовался собственными руками.

Спирит вообще выглядел так, будто его здесь никогда не было.

— Так не молчите, — сказала Проксима с милой улыб-

кой, от которой нормальные люди обычно начинают писать завещание. — Говорите свои мнения. Девушки решают всё, конечно. Раз наши представители сильного пола тупо сидят и слушают, видите ли, мы им надоели. Что? Нечего сказать, Бельский?

Клэвэр сглотнул.

— Спайк.

— Не надо, — сразу сказал Спайк.

— Замолви за меня словечко.

— Нет.

— Кажется, я не то сказал.

— Не кажется. Ты просто взял лопату и начал копать себе яму.

— Не хочу показаться душной компании, но мы пока не друзья. Я тебя всего пару часов знаю.

— Хах, мы с тобой точно поладим. Ты, кстати, играл в Квайрид?

— Нет, я больше жду интерактивный сериал по нему.

— Так! Заткнулись нахуй оба! — выкрикнула Проксима.

— Вы что за балаган устроили? Ладно, Бельский, как бы я ни любила этого долбоёба, я уже привыкла к тому, что он выносит мне мозг в самые неподходящие моменты. Ну а ты-то, Спайк?

— А я что? Я ничего. Мне всё нравится, план шикарный. Похищение президента под видом спасения от киллеров — это, конечно, звучит как уголовный кодекс, который нажрал-

ся энергетиков, но я обеими руками за.

— То-то же, — улыбнулась Проксима.

Кройск посмотрела на неё так, как смотрят на человека, который словами «четко и быстро» описывает нападение на главу государства.

— Я пошлю своих людей обыскать особняк Салдэrsa. Сейчас там всё равно никого. Ордер на обыск даже не нужен, учитывая статус объекта и материалы флешки. Бог знает, может, мы найдем хоть какую-нибудь зацепку об этой служанке.

— Позволь мне этим заняться, — сказал Параноик.

— Я как раз хотела тебя попросить, — кивнула Кройск. — Ты и Акация возьмете судмедэкспертов и обыщете особняк от и до. Комнаты персонала, служебные коридоры, камеры, скрытые помещения, следы доступа к терминалам. Всё.

— Жаль, — сказала Акация. — Я хотела с Ревнителями брать президента.

— Не спорь со мной.

— Как скажешь, Кройск.

— Не переживай, — сказала Вайлет. — У нас там и без тебя будет достаточно дурдома.

— Вот именно поэтому я и хотела.

Кройск снова повернулась к Проксиме.

— Что касается тебя, Кристина...

— А что меня должно касаться? — Проксима прищурилась.

— Меня беспокоит твоя сверхскорость. И трансформация Ильи в сталь.

Илья тихо выдохнул.

— Опять я.

— Подумаешь, — отмахнулась Проксима. — Это вообще безобидная вещь.

Кройск подняла брови.

— Безобидная? Ты уложила наших солдат, Кристина. Это неприемлемо.

— Извини, — сказала Проксима, но голос у неё был далеко не раскаянный. — Я тогда погорячилась.

— Ты уверена, что таких «горячек» больше не возникнет?

Проксима помолчала.

— Нет. Не уверена. Но если ДАГЭТ не будет действовать мне на нервы, никто не пострадает.

— Это не ответ.

— Это самый честный ответ, который у меня есть.

Кройск долго смотрела на неё.

— Ты изменилась, Кристина. Очень изменилась.

— Возможно, это всего лишь побочный эффект от хромосомы.

— Возможно. А возможно, мы имеем дело с процессами, которые никто из нас не понимает. В любом случае, позволь нам тебя изучить. Пусть наши учёные прольют свет на твои способности.

— НЕТ! — твердо и резко ответила Проксима.

Слово ударило по залу почти физически.

Клэвэр напрягся. Вайлет сразу посмотрела на Проксиму. Арлетт, даже на фоне собственной ярости, замолчала. Все поняли: к этой теме лучше не подходить с грязными руками.

— Кристина... — начала Кройск.

— Я сказала нет.

— Речь не о контроле.

— Всегда речь о контроле, когда кто-то говорит «позволь нам тебя изучить».

Кройск не отвела взгляд.

— Мы должны понимать, что с тобой происходит.

Проксима несколько секунд молчала. Было видно, как внутри неё борются сразу несколько желаний: послать всех к черту, уйти, ударить стену, сделать вид, что ей плевать. Как обычно, победил вариант, который выглядел наиболее опасно для окружающих.

— Я позволю лишь одному человеку это сделать, — наконец сказала она. — Доктору Шитину. Раз он меня воскресил, пусть он и обследует. Но без толпы ученых, без ремней, без «давайте проверим болевой порог», без всякой лабораторной херни. Я не крыса.

Кройск кивнула.

— Правильное решение. Я сообщу доктору.

— Может, и сама узнаю кое-что новенькое о своих способностях, — сказала Проксима. — Желательно не то, что я умею случайно взрывать чайники взглядом. Хотя Вайлет

бы обрадовалась.

— Я бы монетизировала, — честно сказала Вайлет.

Пока Кройск ещё что-то уточняла по операции, Клэвэр, Спайк, Илья и Спирит уже успели организовать в стороне отдельное совещание, по важности, судя по их лицам, не уступавшее угрозе Большой Элиминации.

Проксима заметила это почти сразу.

— Чё это вы там шепчетесь?

— Выбираем псевдоним для Ильи, — ответил Спайк.

Илья выглядел так, будто не был уверен, хочет ли он вообще знать варианты.

— А, ну да, куда же без этого, — сказала Проксима. — Надеюсь, вы не остановились на Стальном человеке и Булыжнике?

Клэвэр обиженно вскинул руки.

— Кристина, не обижай нас. Тут сидят порядочные и нормальные супергерои. Уж мы-то что-нибудь придумаем.

— Сказал человек с погонялом Клэвэр.

Спайк щелкнул пальцами.

— Есть вариант: «Консервсис».

Илья медленно повернулся к нему.

— Что?

— Хуйня? Думаем дальше.

— Звучит так, будто меня продают в магазине возле кассы, с очень большой скидкой... и всё равно никто не берет.

— Тогда «Железный аргумент», — предложил Клэвэр.

Вайлет фыркнула.

— Это уже название плохого ток-шоу.

— «Металлург»? — осторожно сказал Спирит.

— Он не завод, — отрезала Проксима.

— «Слиток»?

— Он не инвестиция.

— «Бронелоб»? — предложил Спайк.

Кройск закрыла глаза на секунду, словно пыталась не пожалеть о союзе с этой командой.

— Ревнителю.

Все повернулись к ней.

— Мир, возможно, стоит на пороге новой катастрофы. Может, вернемся к работе?

На огромном экране всё ещё висела карта. Десятки красных отметок. Десятки городов. Десятки будущих пожаров, если они ошибутся хоть на шаг.

Шутки закончились не потому, что кто-то приказал. Просто все снова посмотрели на карту.

И стало понятно: завтрашний день не будет обычной операцией.

Глава 5

Утро следующего дня

Особняк Салдэrsa

Сергей Параноик, Полина «Акация» и группа судмедэкспертов прибыли к главному входу почти одновременно. Машины остановились одна за другой. Люди в перчатках и защитных костюмах молча доставали чемоданы, сканеры, камеры, контейнеры для улики. Никто особо не разговаривал. Особняк давил на нервы одним своим видом.

— Мда, — сказала Акация, глядя на фасад. — Этот особняк знал и более приятные времена.

Параноик поправил воротник куртки и посмотрел на темные окна.

— Учитывая, кто тут жил, я бы не был так уверен.

Вслед за ними к месту подъехал детектив Орлов. Он вышел из машины, хмуро осмотрел особняк и на секунду задержал взгляд на тех самых ступенях, по которым когда-то выходил вместе с Петровым.

— Спасибо, что согласились помочь, детектив, — сказал Параноик, пожимая ему руку.

— Это моя работа, — коротко ответил Орлов. — Я с самого начала копал это дерьмо. Было бы глупо уйти, когда оно наконец начало вонять по-настоящему.

— Что ж, ваши навыки сыщика нам сегодня пригодятся.

Не успели они войти в здание, как Сергей отдал приказ судмедэкспертам:

— Обыскать всё. От пола до потолка. Отпечатки пальцев, следы обуви, волосы, волокна, остатки косметики, биоматериал, скрытые панели, вентиляция, мусорные контейнеры, комнаты персонала. Каждое помещение просветить ультрафиолетом. Особое внимание — местам, где могла жить домработница. Нам нужен хоть какой-нибудь след этой женщины.

Судмедэксперты без лишних вопросов разошлись по коридорам. Внутри особняк выглядел ещё хуже, чем снаружи. Не потому что был заброшен — наоборот, всё оставалось слишком аккуратным. Просто эта аккуратность теперь казалась не роскошью, а декорацией после спектакля, где актеры внезапно умерли, и никто не пришел убрать сцену.

— Красиво, — сказала Акация. — Дорого. Мрачно.

— Идем, — сказал Параноик. — Начнем с первого этажа.

Транспортный ангар ДАГЭТ

Ещё недавно в этом ангаре стояли десятки летательных аппаратов. Тяжелые транспортники, боевые платформы, эвакуационные модули, скоростные машины ДАГЭТ. Теперь большая часть техники была уничтожена во время Элиминации, и ангар превратился в гигантскую пустую коробку размером почти в футбольное поле.

Пустое пространство, бетонный пол, металлические сте-

ны, редкие остатки креплений и следы старых ожогов на покрытии. Место выглядело так, будто его специально подготовили для испытаний людей, которых нормальная наука должна была бы сначала запретить, потом испугаться, а уже потом попросить автограф.

Именно здесь решили проверить скорость Проксимы.

Она неслась вокруг ангара со сверхчеловеческой скоростью. Чёрный силуэт размазывался по периметру, превращаясь в длинное темное пятно, которое то исчезало, то появлялось у противоположной стены. От её движения по полу расходились резкие воздушные волны, пыль срывалась с дальних углов.

В центре ангара находились Ревнителю и доктор Шитин. Рядом с ним стояли приборы, датчики, несколько мониторов и переносной медицинский комплекс. Шитин напряженно смотрел на показатели, явно пытаясь сохранить выражение лица ученого, а не человека, который наблюдает, как его пациентка добровольно превращается в человеческую ракету.

— Так, ладно, стоп! — выкрикнул он. — Кристина, остановитесь!

Проксима продолжала бежать. Возможно, она действительно не слышала. А возможно, слышала и решила, что тормозить скучно. С ней теперь сложно было отличить одно от другого.

— Она что, меня не слышит? — Шитин растерянно по-

смотрел на остальных.

Вайлет нажала на гарнитуру.

— Кристина, хватит. Достаточно. Доктор сейчас родит график сердечного приступа.

Черное пятно дернулось, сбилось с круга и резко ушло в торможение. Проксима остановилась не сразу. Её протащило вперед не меньше чем на полсотни метров, подошвы с визгом прошлись по полу, а за спиной поднялась пыльная полоса.

Она выпрямилась, тяжело, но восторженно выдохнула и подняла руки.

— Ух-х-х-х! Это круто, черт возьми! Ради этого и стоило умирать... надеюсь, никто не против капельки черного юмора?

Клэвэр посмотрел на неё так, будто одновременно хотел обнять, отругать и привязать к батарее.

— Я против, но ты всё равно не слушаешь.

— Видишь, как хорошо мы друг друга понимаем.

— Со стороны это ещё круче, — сказал Спайк. — Ты несешься, будто черное растянутое пятно. Типа кто-то разлил ночь в сковородку.

— Спасибо, очень поэтично, — Проксима отряхнула плечо. — Доктор, ну что там интересного?

Шитин снял результаты с датчиков, быстро пробежался взглядом по показателям и только после этого позволил себе немного расслабиться.

— Что могу сказать... показатели жизнедеятельности в пределах нормы. Пульс повышен, сердцебиение ускорено, но это ожидаемо после такой нагрузки. Давление стабильное. Насыщение крови кислородом не падает.

— А что там со скоростью? — спросила Проксима, уже плохо скрывая улыбку.

Шитин поднял глаза.

— Максимальная зафиксированная скорость — две тысячи километров в час.

На несколько секунд в ангаре стало тихо.

— Две тысячи? — переспросила Вайлет.

— Да. Это примерно на семьсот километров в час выше скорости звука.

— Удивительно, — сказала Проксима, явно восхищаясь сама собой. — А я смогу больше?

— Возможно, — осторожно ответил Шитин. — Во всяком случае, текущие данные не показывают, что это абсолютный предел. Но я бы не советовал проверять его сегодня. Или вообще без подготовки. На такой скорости любая ошибка может закончиться тем, что мы будем собирать вас шпателем.

— Доктор, вы умеете мотивировать.

— Это не мотивация. Это медицинский страх.

Клэвэр скрестил руки.

— Мне он нравится. Продолжайте её пугать.

— Предатель.

Шитин переключил данные на другом мониторе.

— У меня есть ещё кое-что интересное.

— Не томите, доктор.

— Анализ крови показал повышенную регенерацию. Значительно повышенную. Если вы получите перелом, восстановление может занять меньше часа. Глубокие порезы, разрывы мышц, повреждения связок — тоже должны заживать намного быстрее обычного.

— А если мне оторвет руку?

Шитин посмотрел на неё поверх очков.

— Кристина.

— Что? Вопрос практический.

— Полная регенерация конечности пока не подтверждена. Теоретически некоторые процессы у вас настолько активны, что я не стал бы исключать невозможное, но проверять это я категорически запрещаю.

— То есть руку специально не отрывать. Записала.

— Вау, — Вайлет покачала головой. — Сверхскорость, регенерация... Салдэрс случайно создал тебя в режиме «премиум-подписка».

— Не знала, что скажу это. — Проксима посмотрела на свои руки. — Но спасибо Салдэрсу.

— Я бы всё-таки не отправлял ему открытку, — сухо сказал Шитин.

— И да, посмотрите на это с другой стороны, — продолжил доктор. — Сверхскорость неизбежно дает вам сверхрефлексы. Иначе вы бы просто врезались в первую же стену. К

тому же повышается выносливость, координация, скорость реакции и ловкость.

— То есть я стала ещё более невыносимой? — спросила Проксима.

— С медицинской точки зрения — да.

— Спасибо вам, доктор.

— Не стоит благодарности. А теперь займемся Ильей.

Илья, который до этого стоял чуть в стороне и выглядел так, будто очень надеялся, что про него забудут, обреченно выдохнул.

В следующую секунду Илья трансформировался.

Кожа потемнела, покрываясь плотным металлическим блеском. Черты лица стали жестче, тяжелее. Волосы исчезли, будто их стерли. Рот снова сплавился, превращаясь в гладкую стальную линию. Остались только глаза — живые, напряженные, почти человеческие на фоне всего остального пугающего металла.

Проксима чуть наклонила голову.

— Каждый раз выглядит так, будто консервная банка решила отомстить человечеству.

Илья молча поднял на неё взгляд.

— Не обижайся, — добавила она. — Это комплимент в нашей команде.

Шитин указал на силовой комплекс, который техники заранее собрали в дальнем секторе ангара.

— Для тебя мы подготовили несколько тренажеров и на-

грузочных платформ. Посмотрим, на что ты способен.

Илья кивнул и направился к установке тяжелыми металлическими шагами.

Особняк Салдэrsa

Сергей, Полина и Орлов обыскивали одно помещение за другим. Пока никаких серьезных зацепок не было. Только следы жизни, стертые слишком аккуратно: пустые комнаты, закрытые шкафы, дорогая мебель, идеально вымытые поверхности и ощущение, что перед отъездом отсюда не просто ушли — отсюда вычистили правду.

Единственное, что они обнаружили почти сразу: в особняке не было сигнала ни у одной сети.

Полина несколько раз проверила телефон, потом устройство связи ДАГЭТ, потом запасной передатчик. Всё показывало одно и то же: сигнала нет.

— Где-то в этом дворце точно должен быть глушитель, — сказал Параноик. — Другого объяснения, почему здесь вообще ничего не ловит, нет.

— Если он здесь, мы его найдем, — ответила Акация. — Но вопрос в другом: зачем Салдэрсу глушитель в собственном доме?

Орлов шел рядом, внимательно осматривая стены и потолки.

— Чтобы никто посторонний изнутри не мог связаться с внешним миром. Разумеется, кроме него самого.

— То есть домработницы жили здесь без связи?

— Похоже на то. Если бы та женщина могла передать информацию через сеть, она бы так и сделала. Но здесь всё случилось. Поэтому флешка стала единственным вариантом.

В одном из служебных помещений Сергей остановился у стены. Там висел ламинированный лист с таблицей. На первый взгляд — обычный график смен. Но чем дольше он смотрел, тем больше понимал: это именно то, что им нужно.

— Так, а вот это интересно, — сказал он.

Орлов подошел ближе и быстро пробежался глазами по строкам.

— Расписание домработниц.

Акация встала рядом.

— Две недели через две недели?

— Да, — Орлов провел пальцем по датам, не касаясь бумаги. — Судя по графику, они работали здесь сменами по две недели. Жили и спали тут же. Выходить на связь с внешним миром им было запрещено.

— Какая нормальная женщина согласится работать на таких условиях? — спросила Акация.

— Та, которой очень нужны деньги, — ответил Сергей. — Или та, у которой нет выбора.

— Или та, которая пришла сюда не работать, — добавил Орлов.

Он быстро сопоставил дату своего визита в особняк с графиком на стене. Лицо стало ещё более сосредоточенным.

— Так-так... интересно.

— Что такое? — спросил Сергей.

— Служанка, которая встретила нас тогда, у неё был второй рабочий день.

— На втором? — переспросила Акация.

— Да. Смена только началась. Если она действительно хотела передать информацию наружу, ей пришлось бы ждать ещё двенадцать дней до выхода. А ждать она, видимо, не могла.

— Но ведь она могла просто сбежать, — сказала Полина.

— Разве нет?

Орлов посмотрел на глухие стены.

— Значит, не могла.

Сергей медленно кивнул.

— Или боялась, что побег заметят быстрее, чем пропажу флешки.

— Всё это очень убедительно, — сказала Акация. — Теперь осталось главное: понять, кто она.

Орлов снова посмотрел на график.

— Она тайная союзница. Вот кто.

Транспортный ангар ДАГЭТ

Картина была впечатляющей.

Илья в своей стальной форме стоял перед силовой установкой и поднимал тяжелые металлические балки, закрепленные в тренажерном комплексе. Механизм гудел, датчики мигали, крепления жалобно скрипели, будто не ожидали,

что человек вообще может так над ними издеваться.

Илья медленно поднял очередную балку. Стальные руки напряглись, пол под ногами чуть дрогнул. Его рот по-прежнему был сплавлен, но по глазам было понятно: сейчас он либо очень сосредоточен, либо мысленно матерится на всех, кто придумал этот тест.

— Превосходно, — сказал Шитин, глядя на показатели.
— Ладно, всё, Илья. Этого достаточно.

Илья опустил груз. Металл с грохотом лег на платформу.
— Он поднял восемь тонн! — выкрикнул Спайк с таким восторгом, будто только что увидел чудо и бесплатную пиццу одновременно. — Никогда бы не подумал, что такое возможно. Может, отправим его на Олимпийские игры?

Илья вернулся в человеческий облик. Металл будто втянулся внутрь тела, кожа снова стала обычной, волосы появились, рот раскрылся. Он тут же глубоко вдохнул и покачнулся, будто трансформация забрала у него больше сил, чем он хотел показать.

— Я бы поднял и десять, — самодовольно сказал он, хотя выглядел не так, будто сейчас готов спорить с гравитацией.

Шитин сделал пометку.

— Не сомневаюсь, потенциал выше. Хочешь узнать результаты?

— Конечно.

— У тебя сверхчеловеческая сила, связанная с уровнем адреналина. Чем выше стрессовая нагрузка, тем сильнее фи-

зические показатели. Иными словами, в бою ты можешь становиться опаснее, если организм входит в состояние предельной мобилизации.

Илья поморщился.

— Я, конечно, не всё понял, доктор, но надеюсь, со временем научусь это контролировать.

— Именно это нам и нужно выяснить.

— У тебя есть и другие особенности, — продолжил Шитин, обращаясь к Илье. — В стальной форме ты способен прыгать значительно выше обычного человека. Возможно, на уровне Спайка, хотя механика у вас разная. Броня защищает от огнестрельного оружия: винтовок, автоматов, большинства снайперских систем. Даже новые усиленные образцы должны пробивать её с большим трудом.

— Новейшие снайперские винтовки? — уточнил Спайк.

— Теоретически защита выдержит и их, если несколько попаданий не придутся в одну точку.

— Неплохо, — сказал Илья.

— Плотность металла в твоём теле очень высокая. В стальной форме ты также можешь пережить падение с большой высоты. Возможно, даже с небоскреба.

— А летать он случайно ещё не умеет? — вдруг спросил Клэвэр.

Все посмотрели на него.

— Что? — Клэвэр развел руками.

Шитин сухо ответил:

— Этим хромосома его обошла стороной.

— Жаль, — сказал Спайк. — Был бы у нас летающий сейф.

Внезапно двери ангара открылись, и внутрь вошла Александра Кройск. Она быстро оценила обстановку: Проксима в датчиках, Илья у силового комплекса, Ревнителю с выражениями людей, которые только что придумали три оскорбительных прозвища и одно рабочее.

— Ну что у вас?

— У нас всё прекрасно, — ответила Проксима. — Мы разобрались в своих силах. Теперь осталось понять, как использовать их максимально эффективно и при этом не разрушить половину города случайно.

— Желательно вообще ничего не разрушать случайно, — сказала Кройск.

— Скучная у тебя должность.

— А о своем деле вы не забыли? — Кройск посмотрела на часы. — Президент выйдет в прямой эфир через два часа. Нужно успеть добраться до него раньше, чем это сделают киллеры.

Проксима прищурилась.

— Интересно, а вы сами сообщили ему, что на него готовится покушение?

— Нет.

— Прелестно.

— Хотя, возможно, надо было бы, — признала Кройск.

— Но с момента его возвращения уровень доверия к нему резко упал. Мы не знаем, чего от него ожидать.

— То есть сверхсекретная противотеррористическая организация не сообщила президенту о покушении на него, потому что президент ведет себя подозрительно. Этот мир тихонько сходит с ума. Даже не бежит, а именно тихонько, в тапочках, с ножом за спиной.

— Если он умрет сегодня, — холодно сказала Кройск, — мне будет совершенно по барабану. Но если вместе с ним погибнут гражданские или мы потеряем возможность узнать, что он знает о Салдэрсе, это станет проблемой.

— Ладно, — Проксима сняла с себя один из датчиков. — Нам надо подготовиться.

— Кому это — нам?

— Ревнителям. Кому же ещё?

Кройск нахмурилась.

— Вы что, все вшестером туда пойдете?

— А что? Надо ещё Спирита взять? Я же говорила, он будет занят камерами.

— Это всего лишь похищение. Возьми нескольких, — продолжила Кройск. — Проверните дело быстро и без лишнего шума.

Проксима задумалась.

— Хм... Я подумаю.

— Думай быстрее.

Кройск развернулась и покинула ангар так же быстро, как

появилась.

Проксима посмотрела на своих.

— Ну что, ребята. Кто пойдет со мной? Предупреждаю сразу: возьму не всех.

— Меня придется взять, — сразу сказала Арлетт. — И даже не смей отказывать.

В её голосе было столько холода, что спорить с ней не захотелось даже Вайлет.

Проксима посмотрела на неё, затем на остальных.

— Так. Ладно. Я всё решила. Со мной пойдут Арлетт и Спайк.

— А как же мы? — спросила Вайлет, соорудив такое грустное лицо, будто её лично не взяли на день рождения к любимому маньяку.

— А вы займите себя чем-нибудь.

— Например?

— Не знаю. Не разрушайте ангар, придумайте Илье псевдоним, подышите, сделайте вид, что вы нормальные люди.

— Слишком много задач, — сказал Клэвэр.

Проксима повернулась к нему.

— И да, Дима...

— Что, моя родная?

— Тебе надо встретиться с сестренкой.

— А вот тут я с тобой даже спорить не буду.

Арлетт молча проверила оружие. Спайк уже разминал плечи, явно довольный, что его взяли. Вайлет продолжала

изображать обиженного младенца.

— Всё, — сказала Проксима. — Готовимся. Через два часа у нас похищение президента. Постарайтесь выглядеть так, будто это не худшая идея недели.

— А какая худшая? — спросил Спайк.

— День ещё не закончился.

Особняк Салдэrsa

Сергей, Полина и Орлов всё ещё вели расследование. Судмедэксперты работали в дальних комнатах, тихо переговаривались, щелкали камерами, подсвечивали стены ультрафиолетом. Особняк постепенно переставал быть просто заброшенным домом и превращался в огромную карту следов, где каждая пылинка могла оказаться уликой.

В какой-то момент они обнаружили гардероб домработниц.

Это было узкое помещение возле служебного коридора. Несколько шкафов, вешалки, запасная форма, аккуратно сложенные фартуки, черные платья, обувь, коробки с перчатками. Всё выглядело слишком обычным. До тошноты обычным. Как будто здесь действительно просто переодевались женщины, которые мыли полы и подавали чай.

Сергей открыл один из шкафов.

И сразу замер.

— Ну что, нашли что-ни...

Полина не успела договорить.

— ТИШЕ! — резко сказал Параноик.

Акация вздрогнула.

— Сергей, ты чего?

Он не ответил. Только медленно вдохнул, будто уловил что-то в воздухе. Его лицо изменилось. Вся собранность, рабочая холодность, привычная уверенность — всё на секунду сползло, открывая что-то старое и болезненное.

— Вы чувствуете? — тихо спросил он.

— Лично я ничего не чувствую, — сказал детектив.

— Запах, — уточнил Сергей.

Он начал обыскивать шкаф. Не глазами — почти инстинктом. Перебирал одежду, осторожно отодвигал вешалки, принюхивался к ткани, будто пытался найти не улику, а призрак.

— Я много лет знаю этот аромат, — произнес он едва слышно.

Полина медленно подошла ближе. Теперь и она почувствовала легкий, почти исчезнувший запах. Тонкий, цветочный, дорогой. Не тот, что остается от дешевых духов на форме персонала. Этот аромат был слишком узнаваемым. Слишком личным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.